

Валерий Большаков

ТАНКИСТ №1

Бей фашистов!

Валерий Большаков
Танкист номер один

«Автор»

2026

Большаков В. П.

Танкист номер один / В. П. Большаков — «Автор», 2026

Из Новороссии – на Великую Отечественную. Из российского танка Т-72 – в советский Т-34. Подбитый в 2015 году под Дебальцево, русский доброволец очнется осенью 1941-го в теле лейтенанта Лавриненко – лучшего танкового аса СССР, на счету которого 52 сожженных немецких панцера. В реальной истории Лавриненко погиб уже в декабре 41-го. Но танкист из будущего спасет сталинского танкиста №1 от гибели, чтобы увеличить его боевой счет многократно! Недаром на танке «попаданца» написано: БЕЙ ФАШИСТОВ!

© Большаков В. П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	41

Валерий Большаков

Танкист номер один

Валерий Большаков

ТАНКИСТ № 1

Глава 1. В ТЫЛУ ВРАГА

Украина, Киев. Сентябрь 2014 года

– Падлюка кацапська!

Лезвие «финки» мелькнуло мимо глаз Геши Репнина, и здоровенный бандеровец в камуфляже, грязный, потный, вонючий, развернулся махом, открывая правый бок.

Геннадий тут же двинул кулаком, «пробивая» вражине печенку. Добавил носком ботинка в колено, заваливая бандерлога.

– Заполучи, фашня!

Но были еще двое – один метался впереди, кроя «москаля» матом с безопасной дистанции, а вот другой как-то извернулся, заходя со спины и локтем охватывая Репнина за шею.

– Сдохни, вата!

Геша саданул его локтем по ребрам, и той же рукой ударил за плечо, попадая в нос обратной стороной кулака. Этого хватило, чтобы освободиться, развернуться, и врезать от души по небритой роже. Нокаут.

А матерщинник-то засуетился, задержался, потащил из кармана... Что у него там?..

Приглядываться Геннадий не стал, не до того было. В два прыжка одолев метры, отделившие его от любителя нецензурщины, он с разбегу заехал тому ногой по мотне. Выкрутил руку, синюю от татушек, и отобрал пистолет. Травмат? Как же... «Вальтер» П-38.

Сунув трофей за пояс, Репнин отшагнул, наблюдая за полем боя.

Враг повержен, шипит от боли и ругается. Шепотом.

– Контрольные бы вам всем, – процедил Геша.

– Ни! Ни! – проскулил хозяин финского ножа, елозя, как личинка в дерьме.

– С-суки...

Репнин развернулся и скрылся за углом пятиэтажки – жилого дома, где на балконах сохло белье, а окна до самой крыши были заделаны разномастными решетками. Тюрьма со всеми удобствами.

Перебежав улицу, Геннадий пошел дворами, пока не выбрался к скверу. Репнин уже вполне успокоился, да и что такого особенного случилось? По спальным районам Киева гопники ходили толпами, тормозили людей и вымогали деньги на революцию. С женщин снимали серьги, мужиков лишали наличности. Революционный держали шаг...

Геша взглядом мазнул по облезлой стене с размашистым граффити: свастика, автомат Калашникова и вопрос в стиле «гидности»: «Каждой хате автомат. А у тэбэ?»

Репнин поморщился. Еще весной приметы обыкновенного фашизма кололи глаз, царапали душу, вызывая боль своим окаянством, а теперь... А теперь он привык.

Вон, в запущенном скверике – клумбы из покрывок от «КрАЗа». На одной из них, взявшись за руки, прыгали два отрока и пара отрочиц, выпевая: «Хто не скаче, той – москаль!»

Геша усмехнулся. Бытие определяет сознание.

Лично ему хватило месяца, чтобы притерпеться к жизни в фашистском царстве-государстве. Адаптировался.

Запущенный скверик вывел к базарчику – с кривых столиков и занозистых ящиков торговали салом, книгами, хрусталем, утюгами, вязаными салфетками и носками, чищенными орехами и ношенными костюмами. Продавцы – бабы в платках и толстые мужики в вышиванках – представляли тот же колоритный типаж, что и лет девяносто назад, при Петлюре. И разговоры они вели те же:

– Да, б..., я сам на Донбасс поеду им уши резать! – кипятился заросший селюк. – Я их стрелять, б..., лично буду, кацапов-предателей!

– На ножи ватников! – сурово рубанул его сосед.

Молодой хлопец с чубом негромко говорил покупателю с выстриженными висками:

– ...Добробатовцев х...т под Донецком. Какая, в п..., война? Да на х... она кому нужна? Я никуда не собираюсь.

– Пра-ально! А повестки пусть в жопу себе засунут!

Тетка в шапочке с козырьком из синтетики сделала обоим замечание:

– Як же ж вам нэ соромно у цэнтри Кыива размолвляты российской мовою?

– У москалей мова быдляча! – визгливо рассмеялась густо накрашенная девица.

Парень с чубом вызверился на нее, да с матюгами, но дивчина попалась горластая – отгавкалась...

Геша шагал, словно разведчик в тылу врага – таясь ото всех, растворяясь в толпе. Камуфляж, что ладно сидел на нем, не бросался в глаза – чуть ли не половина мужского населения Киева щеголяла в «пятне» разной степени бэушности. И солдат полно – бритая пацанва, кандидаты в каратели.

«Слава Украины! Героям слава!»

Репнин притормозил у витрины, за которой висело большое зеркало – отразился молодой мужчина, невысокий, широкий в плечах и узкий в бедрах. Голова была обрита наголо – лет пять назад Геннадий еще зачесывал волосы. Зачесывал, пока не обнаружил, что лоб становится все выше и выше. Короче, залысины пошли.

Дождаться плечи не стал – остригся «под Котовского», и засверкал голой башкой. Экономия, однако – расчески ни к чему, да и в шампунях нужда отпала. Руки моешь – тут же и голову обтер. Вот и вся гигиена.

За витриной висел плакат: «Не купуй российскэ!»

П-патриоты майданутые...

Репнин припомнил, как обрадовался однажды летом, натолкнувшись в одном из дворов на следы старой, полузабытой жизни – качельки, бабушки с колясками, ленивый кот на лавке вылизывает свое хозяйство... Классика!

Через неделю ревнителю «гидности» выкрасили в цвета петлюровского флага и лавки, и качельки...

Геннадий поморщился, шагая вдоль желто-голубого забора, мимо «жовто-блакитных» столбов и урн. Даже стволы деревьев были не побелены, а вымазаны державным колером.

Это уже не благоустройство, это диагноз.

Заиграл телефон, и Репнин поспешно вытащил свою старенькую «Нокиа». Звонил, однако не дед, и Геша сразу насторожился: у него была симка от тутошней «Киевстар», и никому, кроме старого, он номера не давал.

– Алё?

– Привет! Не узнал?

– Жека, ты? А как...

Женька довольно хохотнул.

– Я с Донбасса звоню, понял? А как вычислил... Хе-хе... Военная тайна! Слушай, я чего звоню. Тут танкистов ценят, понял? Укропы, когда драпали, кучу техники бросили, а сажать на нее некого. Так что... Намек понял?

– Да понял, понял. Только... Не могу я сейчас, Жека. Я тут в самом логове врага. Дед болеет, понимаешь? А помочь больше некому. Лекарства контрабандой тащу, да и сам, как лазутчик, через границу шастаю. А скоро холода. Буржуйку я поставил, дровами запасуюсь. А если опять погром?

– Как все запущенно... – вздохнул Женька, и добавил витиеватой нецензурщины.

– Не то слово! Если бы я не постригся, шапку носить не смог – волосы бы дыбом стояли. Зигуют все! Вчера, вон, маршировали правосеки. Знаешь, какая у них запевка? «Зиг хайль! Рудольф Гесс! Гитлерюгенд СС!»

– Дурдом... Ну, ладно. Если что, найдешь меня. Пока!

– Пока...

Геша сунул сотовый в карман, и вздохнул. Привет с родины...

* * *

Гешин дед проживал в старенькой высотке, балконы которой были заставлены «тарелками» антенн – те самые «укропы», что орала на улицах «Слава Украине!», дома смотрели «Первый», «Россию» и прочие запрещенные каналы.

Хлябавшие двери подъезда были заклеены объявлениями о сборе средств помощи бойцам АТО – у жильцов выпрашивали белье, обувь, стиральный порошок, зубную пасту, минералку – и далее по списку.

Из подъезда как раз выходил явный западенец в кожане. Прикладывая к уху сотовый, он бурчал:

– Ты мене чуешь, чи ни?

Пройдя тамбур, Репнин скривился – из мокрого угла под лестницей воняло мочой. Наверняка, этот чертов гуцул отметился.

Вернуть – и ткнуть носом? Геннадий заколебался, но махнул рукой – не стоит привлекать внимание, «явочную квартиру» засвечивать...

Поднимаясь (лифт, само собой, не работал), Репнин перебирал в памяти дорогие ему моменты – тут все располагало к неспешным воспоминаниям. Дом не ремонтировался десятки лет, и весь «культурный слой» оставался нетронутым – имена, вырезанные на перилах; дверь тридцатой квартиры, отделанная досточками от ящиков из-под апельсинов; кафель, плафоны, облезлая краска...

Когда Гена-первоклашка приезжал к деду на каникулы, все тут выглядело точно так же. Тогда еще жива была баба Аня...

Родителей Репнин помнил плохо. Папа с мамой погибли, когда он перешел в шестой класс. Пришлось переводиться в киевскую школу...

Нет, с дедом ему было хорошо. Просто... Паршиво было. Погано. Пусто и холодно. Но даже со смертью свыкаешься.

Когда дед с бабой сообщили о гибели родных, Генка кричал: «Неправда! Я вам не верю!» Плакал, и баба Аня плакала, а дед сидел, сгорбившись, и бубнил: «Вот, так оно и бывает... Так и бывает...»

Иногда у Гешы мелькали «крамольные» мыслишки – о том, что все тогда к лучшему вышло. Неизвестно, что с ним стало бы при живых родителях, а дед его живо наставил на путь истинный.

Не сказать, что старый был строг, нет. Он и говорил-то редко, но уж если скажет, то по делу, да так, что взовьешься.

Дед всю войну оттрубил – начал мехводом на «тридцатьчетверке», а закончил командиром танковой роты. До Берлина дошел, на рейхстаге отметился.

После школы Геша вернулся в Россию. Хотел поступить на инженера, да провалился. Призвали в армию – попросился в танковые войска. Командование вняло, а тут и Вторая чеченская подоспела...

Так и вышло, что отцу воевать не пришлось, а вот деду и внуку выпал кровавый жребий.

В «зоне КТО» Геннадий многое понял про жизнь и про себя. После дембеля поступил в танковое училище... и лишь прошлой осенью капитан Репнин уволился в запас.

И вот, похоже, что судьба опять готовит ему пакость, снова жизненный путь выписывает зигзаг. Деду девяносто пять, а тут, мало что хвори одолевают, так еще и душа страждет.

Каково это фронтовику, победившему гитлеровцев, стариться при фашистах? Мало того, что бандеровцы памятники рушат, они людей убивают на востоке! Дранг нах остен...

...Геннадий тихонько открыл дверь дедовой квартиры, и окунулся в привычную ауру – пахло лекарствами и сухим теплом. С утра Репнин протопил буржуйку, изгоняя ночную сырость.

Разувшись, Геша протопал в спальню.

Дед будто усох, стал похож на мумию, только глаза у него были живые, цепкие.

– Это ты? – сказал Антон Гаврилович дребезжащим голосом. – Хорошо, что пришел, а то я... ухожу. Хе-хе...

– Дед... – начал Репнин, и смолк. Говорить бодрые слова ему было противно – старый все прекрасно понимал.

Старик улыбнулся впалым ртом.

– Да чего там, Гешка... Все путем. Я свое прожил. Всякого навидался... Намиловался... Плохо, что вся эта мразь вылезла, когда я уже не годен к строевой. Мне и автомат-то не удержать. А ты, Гешка, пообещай мне, что не спустишь этой нечисти, что будешь бить ее, пока не сохнет.

– Обещаю, дед, – твердо сказал Репнин.

– Вот, и славно... – выдохнул старик.

Улыбнулся, и умер.

Сводка с фронтов ЛНР на 26 июля 2014 года:

«Минувшей ночью и сегодня утром противник подверг массированному обстрелу столицу Луганской Народной Республики. Агрессор обстреливал город со своих позиций в районе старого кладбища у поселка Металлист и РЛС, применяя самоходные орудия и крупнокалиберные минометы «Гюльпан».

Также велся прицельный обстрел из установок «Град» по пригородному селу Роскошное, в результате которого многие дома разрушены. Данные по жертвам среди сельчан уточняются.

Противник предпринял попытку обойти Луганск с запада, прорвавшись к Роскошному. Однако по последней информации был отбит огнем мобильно выдвинутой навстречу ему артиллерии.

Овладев Роскошным, украинская армия могла рассчитывать на прорыв к луганскому аэропорту, до которого от села всего 15 км.

В ответ армия ЛНР провела успешный обстрел позиций противника в луганском аэропорту, расположенные на его территории аэромобильные части понесли серьезный урон, после чего интенсивность обстрела Луганска войсками противника заметно снизилась.

Во второй половине дня на территории Луганска продолжили работать диверсионные группы украинской армии. Приблизительно в 15:00 был нанесен минометный удар по Южному

району города, сильно повреждена школа № 51, детский сад, фасады жилых домов. В школе погибла женщина.

В Свердловске 41 солдат противника добровольно сдался в плен бойцам армии ЛНР.

Очевидцы передают, что в Георгиевке произошел следующий инцидент: нацгвардейцы застрелили 6-летнего ребенка, случайно или специально – пока неизвестно. После чего местные жители из охотничьих ружей и другого стрелкового оружия застрелили около пятнадцати нацгвардейцев и покинули населенный пункт»

Глава 2. ДОНБАСС

Донецкая Народная Республика, ноябрь 2014 года

После похорон Геннадий задерживаться в Киеве не стал – последняя ниточка, связывавшая его с «Укропией», лопнула.

Темной ночью перейдя границу «самостийной та незалежної», Репнин вернулся в Россию. Но заряд ожесточения был слишком силен, чтобы возвращаться к мирной жизни – забыть бесчинства, творимые «майдаунами», Геша не мог. Да и не хотел.

Зря он, что ли, слово деду давал?

Да нет, слово тут не при чем. Будь он женат, имей детей, то трижды бы подумал, а стоит ли соваться на Донбасс. Там же и убить могут. Идет война, самая настоящая, та самая – народная и священная.

И тут Гешка не выискивал поводов, все было проще.

Ленинская национальная политика на деле была провальной, повторявшая ошибки «царизма». Вон, Николай I и Александр II тоже баловались, прививая государственность окраинам империи – вместо того, чтобы укрепиться в Привислинском крае, образовали Царство Польское, а неблагодарному народу Великого княжества Финляндского и сейм даровали, и конституцию. Зачем?

Зачем было пестовать национализм? И чем это кончилось? И финны, и поляки устраивали благодетельствовавшим их русским резню, затевали войны, а теперь всю подгавкивают америкосам.

Ильич пошел тем же неверным путем, наплодил элит, а те и рады стараться, быстренько развалили Союз, порезали на уделы, и теперь грызутся между собой, клан на клан.

И все же Геша надеялся, что это пройдет. Разбогатеет Россия, отпавшие сами к ней потянутся.

Он не признавал убудочного СНГ, и распад СССР считал преступлением. Рано или поздно Советский Союз, пускай и в ином обличье, вернется – народы, испробовав демократии, выкопают пограничные столбы.

Репнину портили настроение нелады в «братских республиках», но он не считал их бывшими – СССР для него продолжал существовать.

И выходило так, что недобитые бандеровцы захватили власть на Украине, маленькой части России или СССР, что одно и то же. И как полагается поступать в этом случае кадровому офицеру?

Правильно. Уходить добровольцем на фронт.

И Репнин отправился в Ростов – в тот, который на Дону. Здесь собирались группы охочих людей и каждые пять дней отъезжали на Донбасс. Бить фашистов.

Прибыв на Дон поездом, Геша сразу перебрался на автовокзал – тот располагался напротив железнодорожного. Здесь и камера хранения была дешевле, да и в гостинице можно было устроиться на ночь. А долго задерживаться в Ростове Репнин не собирался.

Сняв номер, Геша позвонил, куда надо.

– Геннадий Репнин? – уточнили на том конце провода.

– Так точно.

– Ваша группа пока еще собирается, но ждать недолго – скоро должен прибыть автобус из Воронежа. Мы обязательно свяжемся с вами сегодня, ближе к вечеру.

– Понял. А почему билеты?

– Дешевые билеты надо брать заранее, хотя бы за день. Проезд до Донецка обойдется в 500-700 рублей, на маршрутке – 1000. Для вашей группы будет подан «микрик» – билет будет стоить 1200, зато доставят без проблем, водитель опытный.

– Годится. Оружие, я так понимаю, с собой лучше не брать?

– Не стоит, лучше сдать нашему представителю в Ростове – пограничники все равно отберут.

– Украинские?

– Там нет украинских пограничников, – голос в трубке стал прохладней.

– Понял, – кратко сказал Репнин. – Последний вопрос. До «Военторга» тут далеко? Я на автовокзале.

– Есть магазин рядом с вокзалом, другой – в начале Большой Садовой, тоже недалеко.

– Спасибо. Жду звонка.

– Пожалуйста.

Ладно, подождем... А пока следовало собрать нехитрый скарб добровольца – термобелье, разгрузку, носки, перчатки, нож, флягу, индпакет, да прочие мелочи.

«Светить» трофейный «Вальтер» Гена и не думал – пригодится в хозяйстве...

Не расставаясь с телефоном, Репнин подкрепился в ближайшем кафе, и отправился гулять. Дышать свежим воздухом.

На прогулке ему всегда хорошо думалось – мысли текли плавно, цепляясь друг за друга. Всплывали воспоминания, рождая новые думки, переплетая образы с реалом.

О войне, о коллективном психозе, обуявшим бывшую УССР, Геша не размышлял – это или ушло, или еще не пришло, не подступило, не накрыло.

Репнин думал о жизни. Когда мужику давно за тридцать, пора подумать о будущем. О доме, о семье, о детях. Так сказать, о слагаемых счастья. Вот только все эти слагаемые суть производные от главного неизвестного в житейском уравнении.

От неизвестной.

Будет у него любимая женщина, будет и семья. А дом... Ну, что такое – дом? Это ведь не жилье, не квадратные метры.

Это убежище, надежный тыл, место, где тебя всегда ждут. Вот только пока некому его ждать...

Тогда чего тут размышлизмы разводить? «Первым делом, первым делом – самолеты», то бишь танки. Ну, а девушки? А девушки потом...

Геша вздохнул. Нельзя сказать, что он тосковал о семейной жизни, уюте, покое и прочих радостях бытия. Наблюдая за женатыми товарищами, Геннадий прекрасно видел, насколько тяжело достается уют. А уж покой...

Чтобы ощутить блаженство ничегонеделанья, надо сперва повкалывать – дачу, к примеру, выстроить. Машину купить. Приехал на дачу, и отдыхай. С лопатой. Или с молотком.

Ну, это в том случае, ежели ты уже закончил ремонт в квартире, обставил ее, «как у людей», купил жене шубку, и так далее. Вот, когда все это у тебя складывается, вот тогда и уют будет, и покой.

Ближе к пенсии, когда дети сами переженятся...

Зазвонил телефон.

– Да?

– Геннадий Репнин?

– Он самый.
– Ваша группа отправляется завтра, со стоянки возле «Ашана», что на Аксайском. Знаете, где это?
– Знаю, бывал.
– Вас будет ждать «микрик» – белая «Тойота» с черной дверцей багажника. Водитель – Жора.
– Понял, спасибо.
– До свидания.
– До свидания.
Ну, вот тебе и определенность. Осталось что? Поужинать, и спать.
– Балда! – проворчал Геша.
Рюкзачок-то он купить забыл! Что ему, по карманам все причиндалы распихивать? И бритву надо взять. И пену для бритья...
Ворча на свою житейскую несостоятельность, Репнин затеял мелкий шопинг. Время позволяло.

* * *

До гипермаркета на Аксайском проспекте Геша добрался на автобусе. Стоянка была большая, но искомый «микрик» Репнин нашел быстро – рядом кучковалось человек пятнадцать. Плотно сбитых, молчаливых, спокойных. «Вежливые люди».

Кивком поздоровавшись со всеми, Геннадий нашел рыжего Жору, и тот зачеркнул в списке буквы «ГР», небрежно сунув плату в карман.

Отправлялись на двух микроавтобусах, оба – с украинскими номерами. Ну, пока суть, да дело, Репнин «забил» себе место впереди, рядом с водителем – хоть ноги вытянешь.

И обзор получше.

Полчаса спустя Жора дал отмашку. Все живо погрузились, и «микрики» отъехали, покидая Ростов-на-Дону и выбираясь на Таганрогское шоссе.

Время в пути Геша провел, то задремывая, то любуясь окрестностями. Пейзажи шли унылые – предзимье.

Но холодно не было, юг все-таки.

Границу пересекли возле Успенки, через КПП «Матвеев Курган».

Досмотр российские погранцы учинили обстоятельный, но особо не зверствовали, даже отметки в паспорте не ставили.

На нейтральной полосе обнаружился магазин «дьюти-фри», где мужики с обоих «микриков» разжились сигаретами – по два блока в одни руки.

На стороне ДНР добровольцы пересели в потрепанный «ПАЗик».

Водитель автобуса, как и его пассажиры, был упакован в камуфляж и пуховик. Репнин, единственный из группы, напялил на голову вязаную «чеченку».

– Что, мерзнет черепок? – оскалился водила.

– Хорошо тебе, лохматому, – пробурчал Геша, плюхаясь на свободное сиденье.

– Поехали!

Двухпутная дорога была основательно разбита – киевским властям было не до ремонтов, успеть бы закрома родины пограбить, а теперь и вовсе войнушка.

– Есть такие, кто не служил? – зычно поинтересовался водитель.

– Есть! – отозвался молодой голос.

– Тогда тебе лучше до военкомата сразу, до республиканского. Там призывной пункт.

Растолковав, как туда добраться, шофер смолк. «ПАЗик», подвывая мотором, заскакал дальше, на каждый бугорок и ямку отзываясь дребезгом стекол.

Дорога вышла недолгой – Репнин даже утомиться толком не успел, а автобус уже подкатывал к Южному автовокзалу.

– Приехали! Мужики, вам сейчас сразу в отдел комплектования. Это на Университетской, дом 112, кабинет 215.

– А успеем?

– Должны. Они до семи принимают. Увидите там, такое здание розовое, метров полтора от улицы. Доберетесь на 10-м троллейбусе или автобусе, тоже 10-м. Их туда много ходит – 17-й номер или 25-й... До остановки «ПромстройНИИпроект».

– Спасибо, – ответил за всех Репнин.

– Бывайте...

Всей толпой добровольцы потопали на остановку, а пару минут спустя уже влезали в троллейбус № 10.

Лишь теперь, глядя за грязноватое окно, Геша рассмотрел приметы войны – оспины на стене пятиэтажки, оставленные осколками, подозрительно круглые латки асфальта на заделанных воронках, расщепленное дерево, буквально измочаленные поражающими элементами.

Да и вон, объявление прямо на дверце троллейбуса: «МВД ДНР напоминает: комендантский час с 23.00 до 5.00»...

Выйдя на остановке, никто не блукал, сразу добрались до штаба Республиканской гвардии, и впрямь выкрашенного в гламурный розовый цвет.

Репнина, как офицера, направили на третий этаж, в отдел кадров. Там сидел весьма обстоятельный пожилой мужчина в камуфляже и при майорских погонах. Было видно, что левую руку ему оттяпали почти до локтя, однако майор был бодр.

Ознакомившись с документами Репнина, он довольно кивнул:

– Танкист? Эт-хорошо... Звание?

– Капитан запаса.

– С какими танками знакомы?

– «Т-64», «Т-72». Немного «Т-90» и... Ну, это так...

– Что именно? «Т-80»?

– Нет. «Т-34».

– Правда, что ли?

– Да я ж говорю, так... К параду готовились, и я, где-то с месяц с «тридцатьчетверкой» возился.

– Здорово... В боевых действиях участвовали?

– Да. Чечня.

– Оч-хорошо...

Однорукий остро посмотрел на Гешу.

– Не примите за цинизм, товарищ капитан. Просто тут у нас война, и каждый опытный военспец нужен и ценен.

Репнин улыбнулся, и молча кивнул. Он уже малость освоился, «погрузился» в здешнюю жизнь, где люди под обстрелами налаживали немудреный быт, растили детей и ждали счастья вопреки всему.

«Романтика» 2014-го, когда местные ополченцы больше партизан напоминали, миновала, теперь в ДНР настоящая армия, со всеми ее порядками, онирами и причиндалами. Та же Республиканская гвардия правильно называлась 100-й Отдельной мотострелковой бригадой 1-го Армейского корпуса.

Не хухры-мухры!

– Вот, что я вам предлагаю, – сказал майор. – Танкисты требуются батальону «Сомали»...

– Звучит, – улыбнулся Геннадий.

– ... 1-й отдельной батальонно-тактической группе. Там есть 4-я танковая рота – семь или восемь «Т-64» и парочка «Т-72Б». Знакомые машинки?

– Вполне.

– Тогда вам лучше всего к «сомалийцам». Командует ими подполковник Толстых, позывной «Гиви».

Репнин кивнул.

– Слышал.

– Ну, тогда желаю хорошо послужить, товарищ капитан!

Сводка политотдела МО ДНР:

«На 1 сентября 2014 года в Иловайском котле незащищенным остался только район Моспино, бои идут под Еленовкой и под Луганском.

За последние сутки произошли значительные изменения с конфигурацией котлов, в которые попали украинские каратели. В частности, фактически не осталось в окружении украинских силовиков под Иловайском: часть добровольческих отрядов прорвалась к своим. С боем вырвался генерал-лейтенант Руслан Хомчак.

Но часть карательных отрядов, не успевшая уйти, сдались в плен, и сегодня этих пленных доставили в Донецк. Ни в одном населенном пункте Старобешевского района больше нет бойцов ВСУ. Эту информацию нам подтвердили жители Марьяновки, Старобешево, Нового света, Стылы, Новоекатериновки, Комсомольского.

Из последнего села в субботу в райцентр в Старобешево было доставлено минимум 170 тел военных. По состоянию на сегодняшнее утро, в котле под Иловайском украинские военные остались только в районе Моспино. На южном направлении бои сегодня идут под Еленовкой: здесь еще остаются силы и техника ВСУ. Село Мангуи пока остается ничьим – там ДНР контролирует лишь трассу на Мариуполь.

Продолжаются бои в ЛНР, но здесь ситуация пока без изменений. Боестолкновения со взаимными потерями в течение дня шли в районе населенных пунктов Переможное, Веселая Гора, Георгиевка, Счастье, Нижняя Ольховая, Белогоровка и Лесное»

Глава 3. СЕРАЯ ЗОНА¹

ДНР, Донецк. Ноябрь 2014 года.

Подполковнику Толстых его фамилия не шла – Михаил Сергеевич был худым и чернявым, и вправду имея кавказские корни. А позывной он взял в честь деда, воевавшего в Великую Отечественную.

В чистеньком «пятне», без фуражки, «Гиви» выглядел немного несерьезно, однако даже мимолетное знакомство выявляло в нем тот самый незримый стержень, что скрепляет характер.

Сила в подполковнике чувствовалась, и воли тоже хватало.

– Танкист? – оживился Михаил Сергеевич. – Капитан? Замечательно! Пойдем, покажу...

«Гиви» провел капитана Репнина под крышу холодного бокса, где громоздился «Т-72», выложенный «кирпичиками» – контейнерами навесной динамической защиты. Вдоль борта было выведено белым: «Сомали».

Крышка люка была поднята, и из утробы танка доносилось смутное бурчание, да звяканье ключей.

¹ При написании главы использованы материалы А.Коца и Д.Стешина.

– Эй! – возвысил голос «Гиви». – Экипаж машины боевой! Вылазь.

Первым над башней воздвигся молодой парень с роскошным чубом, торчавшим из-под танкового шлема.

– Здравия желаю, товарищ подполковник! – ухмыльнулся он, и глянул на Репнина.

– Позвольте вам представить, товарищ капитан, – сказал Толстых, – сам Рома Сегаль! Наводчик.

– Здравсте! – расплылся Сегаль.

Лязгнул передний люк, и в него высунулся некто щекастый, тоже в шлеме.

– Знакомьтесь – Юрий Рудак, мехвод.

Кряхтя, механик-водитель вылез из люка по пояс, и отдал честь.

– А это ваш командир, капитан Репнин, Геннадий Эдуардович. Прошу любить и жаловать.

– Ну, любить – это необязательно, – усмехнулся Геша.

– Оставляю вас на съедение, товарищ капитан! – оскалился Толстых, и покинул бокс.

Репнин поглядел на мехвода – тому было явно за сорок, а лычки сержантовские.

– Давайте сразу договоримся, – сказал он, – будем на «ты», чтобы никакой путаницы.

Если придется фашистов бить, «выкаты» некогда будет. Сержант Рудак, вас как по батюшке?

Рудак заулыбался, словно радуясь командирской непоследовательности.

– Михайлович. Юрий Михайлович.

– Сороковник есть уже?

– Полтинник, товарищ капитан!

– Поздравляю.

– А я – Роман Романович! – проявил инициативу наводчик.

– Рад за тебя. Как машина?

– Зверь!

Репнин, однако, кивать начальственно не стал – мол, принимаю к сведению, а облазил танк сверху донизу, осмотрел, ощупал все, от пушки до ленивца.

В общем, впечатление у него сложилось неплохое. Машина была, конечно, не новая, но ухоженная. Воевать можно.

Отобедав с экипажем, Геша взялся за квартирньерские заботы. По совету бывалых товарищей отправился на окраину Донецка, на Киевский проспект, где можно было снять комнату чуть ли не даром – случались обстрелы.

Рядом, сразу за чертой города, пролегала «серая зона», ничейная территория, где постоянно шарилась каратели – то из минометов обложат, то артиллерией приветят.

Здесь, на окраине осажденного города война наследила изрядно. В паре мест, даже рядом с остановкой, торчали хвостовики реактивных снарядов, внедрившихся в асфальт. На углу ржавел остов сожженного автобуса, давно разбитые витрины были заколочены досками, а дома зияли черными провалами – это взрывались снаряды, вырывая «пещеры» в железобетоне и кирпичной кладке.

Найдя нужный дом, на стене которого была намалевана громадная кривая стрела, указующая вход в бомбоубежище, Репнин поднялся на четвертый этаж, и позвонил.

Ему открыла моложавая женщина с крашенными волосами, за спиной которой маячил отрок лет пятнадцати.

– Здравствуйте, я по поводу комнаты.

– А-а, проходите, проходите!

Хозяйка квартиры, назвавшись Тамарой Алексеевной, провела Гешу, сильно хромая, и показала угловую комнату. Ничего особенного – диван-кровать, шкаф, стол, стул.

Торговаться Репнин не стал – цена была смешная. Тамара обрадовалась и этим деньгам.

– Вова, поставь чайник!

- Тамара Алексеевна... Я же вас объем.
- Да бросьте! Я с утра пирожков напекла целый тазик.
- А с чем?
- Лук-яйцо. И яблоки.

Геннадий вздохнул.

- Вот тут я слаб!

После второй чашки (и четвертого пирожка), Репнин разомлел.

– Страшно тут? – спросил он, кивая на развороченный когда-то, и кое-как починенный балкон.

– Привыкли уже, – вздохнула Тамара. – Вот в первый месяц было... Жуть! Помню, штурмовик украинский над самой крышей пролетел. Школу бомбанул, а тут его наши и «спустили»! Канонада каждый день и каждую ночь, тряслось все... Детей в ваннах укладывали. А как я однажды на дачу съездила! Малина зреет, собирать пора, а тут война. Все равно поехала! В жизни никогда я так быстро ягоду не собирала! А тут грохот – танковая колонна заблудилась, заехала в наш кооператив. Вылезает из люка танкист, спрашивает дорогу в Стукалову балку, а наша соседка к нему бросается. «Родненькие, – кричит, – вы только не сдавайтесь!» И тут видит трезубы украинские... У нее аж лицо перекошилось! Ох... Я теперь точно отличу, что стреляет – гаубица или танк. По звуку «прилетов» – опыт есть. Вот сюда, – она показала на балкон, – попал снаряд из гаубицы. Это тогда мне ногу оторвало. Осколок здоровый был, со сковородку, отрезал мигом.

- Так вы...

– Это протез, – вздохнула Тамара.

- Вот же ж, сволочи...

Женщина кивнула.

– Больно было – жуть. Хорошо еще, что соседка поспела, живо меня в больницу доставили. Намучалась, конечно. Сейчас привыкла уже... На протез чуть ли не всем кварталом собирали. Да! У нас, вообще, сейчас хорошо жить. Майданутые все на запад подались, трусы – на восток, а мы остались.

- Самые стойкие.

– Самые упертые! Тут же по всякому бывало, люди-то разные. Вон, в соседнем доме развелись – жена в Полтаву уехала, а муж остался. «На хрен мне, говорит, бандеровка эта? Любы тебе эти фашисты – езжай! А я их тут бить буду!» Ой, всякое бывало. Помню, когда Путиловский рынок горел, сосед принес обгорелых кур и колбасу. Пока дети спали – мы копоть счищали. А когда снаряд угодил в пруд, вся рыба всплыла – да здоровая вся такая! Всем двором ее жарили...

...Вечером Репнин долго ворочался, никак уснуть не мог. В Чечне было иначе – там война шла с бандосами, а здесь самый настоящий фронт. Киевский проспект, продолжаясь, упирался в передовую, и с той линии фронта бьют орудия, целясь по жилым домам, по школам и детсадам, котельным и подстанциям – лишь бы побольше «сепаров» истребить, или хотя бы нагадить.

– Наше дело правое, – прошептал Геша, не раскрывая глаз. – Враг будет разбит, победа будет за нами...

И уснул.

* * *

А на другой день началась служба. Особых различий между армиями России и Новороссии Репнин не наблюдал. Да, на вооружении ополченцев стояли старые танки, советское

наследие, оставленное Украине, хватало и других отличительных черт, но основа оставалась той же. Армейщина.

К декабрю все устоялось и внутри «Т-72», командовать которым поставили Гешу. «Сержант Рудак» стал «Михалычем», а «старшина Сегаль» – «Ромкой». Или «Сигалом». Или «Ромуальдом». В зависимости от настроения.

Репнин в бытность свою капитаном Российской Армии командовал танковой ротой, но обид за то, что его «понижили в должности», не держал. Во-первых, командующий 1-м Армейским корпусом лучше знает, кто и где ему нужен. Во-вторых, прошлые заслуги на войне не копируются. Бой все расставит по своим местам, покажет, кто чего достоин.

Да и не рвался Геша особо в командиры. Напротив, ему нравилось его место в боевом отделении танка, справа от пушки.²

Еще бы пострелять из нее, поглядеть, как хохляцкую бронетехнику рвут выпущенные снаряды. Он-то приехал на Донбасс фашистов бить, а не танк обихаживать.

После нового 2015 года его цель приблизилась вплотную – ВСУ перешли в наступление.

Сводка Политотдела МО ДНР:

«По словам Э.Басурина, подразделения ополчения уже утром в среду, 28 января, смогли закрепиться на северо-восточной окраине Дебальцево и весь день вели боевые действия по вытеснению украинских военных из города. Замглавы штаба армии ДНР также сообщил, что ополченцы полностью контролируют автодорогу Артемовск – Дебальцево.

«Там порядка 10 тысяч военнослужащих Украины, но котел еще не захлопнулся. Мы заметили вывод подразделений. Хотелось бы побыстрее захлопнуть котел, чтобы избежать жертв», – заявил журналистам начальник политуправления Минобороны ДНР Эдуард Басурин. Он также пояснил, что пока трудно прогнозировать сроки закрытия котла, но ополченцы пытаются форсировать этот процесс. «С Дебальцево уже обстрелов меньше, но с Артемовска еще идут», – сказал он.

Басурин также привел данные штаба ДНР о потерях украинской стороны за сутки: шесть танков, две бронемашин пехоты (БМП), пять автомобилей, 12 орудий и минометов, а также 89 человек личного состава. По его словам, в общем и целом с момента возобновления активных боевых действий в Донбассе (за последние 12 дней) «противник потерял 106 танков, 81 БМП, 47 орудий и минометов, 36 автомобилей и 1194 человека убитыми».

Армия Новороссии продолжает наступлением на Дебальцево. Сегодня передовые отряды ополчения ворвались в город, и ведут уличные бои с оккупантами.

Напомним, ранее стало известно, что бригада А. Мозгового «Призрак» закрепились на северо-восточной границе Дебальцево»

Глава 4. ДЕБАЛЬЦЕВСКАЯ ДУГА

ЛНР, Чернухино, 28 января 2015 года

Клопоча мотором, танк пересекал поле, черно-белое из-за снега и проталин. Лесополоса слева не вызывала особых подозрений – голые деревья сквозили, не задерживая взгляд. Укрыть технику они точно не могли, разве что снайпера.

Левее и правее взрыкивала еще пара танков батальона «Сомали», пехота поспешала следом, прячась за броней.

² Место командира танка в «Т-72».

Держась за крышку люка, Репнин еще раз огляделся, и вернулся в башню, откуда несло теплом. Над головой лязгнула сталь, отсекая легкий морозец.

– Михалыч! Держи на эту... что там... водокачку, короче!

– Вижу, командир!

– За ней дорога, – вступил наводчик. – О-па! Друзья показались!

– Конкретней!

– Две бээмпэшки и танк! Шестьдесят четвертый!

– Точно не наши?

– Да у них флаги на антеннах задраны!

– Ну, мало ли... – отозвался механик-водитель. – Может, это они трусы на просушку вывесили...

– Ссут, с-суки!

Автомат заряжания затолкал в камеру бронебойный снаряд, затем гильзу-картуз.

– По танку? – азартно уточнил Сегаль.

– По нему, Ромуальд! В задницу ему, в задницу!

Роман навел перекрестие прицела, плавно вращая маховички, и пушка, стабилизированная в двух плоскостях, «запомнила» цель.

– Огонь!

Танк сильно вздрогнул, грохот и дым заполнил башню.

– Есть!

Снаряд угодил «Т-64» в корму, и тот встал колом. Вспыхнул, загорелся движок, чадя копотным дымом. Из люков полезли укропы, попадая под перекрестный огонь пехотинцев.

Пара БМП тормознула, бронемашины развернулись, задолбили пулеметы.

– Ромка! Бери ту, что правее! Левую уделает пехота!

– Есть!

Наводчик нажал кнопку, и автомат заряжания загудел, залязгал. Репнин улыбнулся, вспоминая, как гордился своим танком, узнав, что снаряды в пушку хваленого «Абрамса» пихает танкист-заряжающий. Отстой!

Правда, инфракрасные прицелы у штатовцев хороши – ночью они приметят наш танк за три тысячи метров, а мы их только с полукилометра разглядим. Ну, это временно. Отдельные недостатки...

– Огонь!

Танк качнулся на гусеницах, посылая бронебойный, и Геша довольно осклабился. Молодец, наводчик!

Снаряд вошел БМП-1 в борт, огнем вскрывая люки. Готов!

Фигурки ополченцев, спешившие вдоль лесополосы, попадали в снег, уберегаясь от пулеметных очередей, и лишь один безбашенный картинно встал на колено, направляя трубу гранатомета. Выстрел! Попал!

БМП газанул, распуская перебитую гусеницу, развернулся и перекособочился. Вторая граната, выпущенная чуть ли не в упор, пробила борт.

– Молодец! – крикнул Сегаль. – Так их!

– Сто второй, я Первый! – послышалось в наушниках. –

– Сто второй на связи, – отозвался Репнин.

– Подсобить надо. Силосную башню видите?

– А, так это силосная? Такая, с полукруглым верхом?

– Она. Там, рядом, засели пулеметчики, не дают нам выйти к дороге. Шуганите их!

– Вас понял, Первый. Шуганем. Осколочно-фугасным, по башне!

– Есть!

– Огонь!

Гром толкнулся в уши, танк сотрясся, взвыли вентиляторы, отсасывая клубы вонючего дыма. Снаряд пробил тонкую стенку силосной башни и рванул внутри, вышибая листы оцинковки и детали каркаса.

Перебитое сооружение накренилось, и рухнуло, погребая под собой пулеметную точку.

– Командир! Там еще один засел, с другой стороны! Что-то типа ДЗОТа!

– Вижу. Михалыч, давай на пригорок!

– Понял!

Взревев двигателем, «Т-72» одолел пологий подъем, выбираясь наверх насыпи или природного вала, поросшего кустарником да молодыми деревцами. Отсюда ДЗОТ был виден куда лучше – укрепленный парой бетонных блоков-«ФЭСок» и мешками с песком, он держал под обстрелом большую площадь, не пуская ополченцев к дороге. Саму гладь асфальта было не видно, но два ряда тополей, которыми обсадили трассу «Знаменка – Луганск – Изварино», выдавали ее местонахождение.

– Сто первый! Сто третий! Я – Сто второй! У дороги – ДЗОТ. Шваркнем залпом?

– А чего ж не шваркнуть? – бодро отозвался командир 103-го.

– Тогда огонь!

Первым рванул снаряд, выпущенный Репниным, затем дулетом ударили фугасы «соседей». От ДЗОТа только одинокий блок железобетона остался, все прочее разворотило взрывами, раскидало, разбросало, расхреначило...

– Вперед, Михалыч, к дороге!

– Чует мое сердце, – проворчал мехвод, – сейчас хохлы зашевелиятся...

И хохлы «зашевельились» – тут и там стали вспухать разрывы 122-миллиметровых снарядов, вздымая грязный снег и комья мерзлой земли. Один из снарядов поднял на воздух остатки силосной башни, и целый ворох оцинкованных листов, рваных и крученых, разлетелся кругом, как стая вспугнутых инопланетных птиц.

– Арта³ бьет! – крикнул Сегаль.

– А то мы не видим... – проворчал Рудак, выворачивая на дорогу.

По асфальту танк сразу ускорился. Впереди завиднелись окраины Дебальцево – от Чернухино до этого городишки километров восемь. Над домами тянулись столбы дыма, по косо́й восходившие к серому небу.

Украинские артиллеристы не отличались умением, поэтому снаряды падали, куда попало. Случилось попадание и по шоссе – 122-миллиметровая болванка разворотила асфальт, вскидывая веер из щебенки и пыли. По броне танка дробно простучали камешки, изображая осколки.

Репнин покривился. Чертова война!

Самое поганое, что ее можно было задавить в любой момент. Стоило Президенту России дать отмашку, и «сушки» с «мигарями» быстренько бы навели тут порядок, раскатав ВСУ. Ополченцам бы осталось тогда малость перенести границы, охватив властью народа Донбасса всю территорию Луганской и Донецкой областей.

Но российское руководство все медлило, осторожничало, то ли опасаясь пущего гнева Вашингтона, то ли играя в поддавки с Киевом. «Не понимаю, – с раздражением подумал Геша, – какая им разница? Все равно на Западе нас дерьмом измажут с ног до головы! Так пусть хоть повод будет...»

Ну, что это за война, когда в небе пусто? Американцы даже на карачках не поползут в бой, если авиация не проутюжит противника бомбами и прочим, а тут... Где-то на аэродроме под Луганском стоит единственный «Су-25» – и это все ВВС ополчения. Украинцы, правда,

³ Арта (жарг.) – артиллерия.

тоже свою авиацию в бой не бросают. Да там и бросать уже нечего. Почти все, что хоть как-то держалось в воздухе, ополченцы посбивали. Странная война...

Порошенко, он же Поросенко, он же Потрошенко (нужное подчеркнуть) до того заврался, что уже, похоже, сам уверовал в собственную брехню о «бурятах в Донбассе», а всякие «жоп-позиционеры» ему только подсерают, живот готовы положить за «общечеловеческие ценности». Ну, не свой, конечно, живот...

Вопрос: как отличить представителя «несистемной оппозиции» от обычного болтуна?

Ответ: по невнятности речи – оппозиционеры до того всяческих задниц нализались, что у них языки опухли...

– Командир, танки!

Репнин пригляделся. Четыре... Нет, шесть «коробочек». Развернулись, прут. Между ними пехота, БМП и БТР.

По танку хлестнула очередь из пулемета – словно молотками прошли по корпусу.

Сто первый вырвался вперед, стреляя на ходу. По танку наводчик промахнулся, зато угодил в БТР – бронемашину подбросило, и перевернуло.

В следующую секунду сто первому очень не повезло – сразу три танка противника сосредоточили на нем огонь. В двух случаях помогла ДЗ, подорвав снаряды снаружи, а вот третий расколотил гусеницу вместе с ведущим колесом.

Обездвиженный, «Т-72» замер, и тут же в него вклепился еще один снаряд. Не похоже, однако, что танк от этого сильно пострадал – башня сто первого развернулась, и послала подкалиберную ответку.

– Ромка! Бронебойный!

– Есть!

– Огонь!

Снаряд угодил в башню фашистскому танку, но не остановил его. Хотя... Да, поворачиваться башня перестала, и стабилизатор, похоже, гавкнулся. Ну, хоть что-то.

– Ромка!

– Уже!

– Огонь!

Промашка вышла – бронебойный усвистел, мелькнув по-над башней с жовто-блакитной кляксой. Ла-адно...

– Ромуальд!

– Бронебойным, командир?

– Чего спрашиваешь? Клади!

– Поклал!

– Огонь!

Выстрел получился куда удачней, хотя и рикошетом – украинский танк скатывался с небольшого возвышения, и бронебойный, оставив борозду, ударил под башню. Ту сорвало с погона, и переклинило. Все, не жилец.

– Михалыч! Видишь, там что-то вроде склада?

– Вижу. От того склада одни стены остались.

– Во-во! Загоняй машину туда, будем из засады бить.

– Понял.

Скрываясь за насыпью, «Т-72» вынесся к складу, развернулся на месте, и заполз в широкие ворота, от которых проем только и сохранился.

Полубрушенные щербатые стены скрывали танк по самую башню. Его орудие могло стрелять прямой наводкой в широком секторе, скользя по-над каменной кладкой. Должно хватить.

Тут как раз один из укрофашистских «Т-64» вздыбился над осыпью, сверкая днищем. Туда-то Репнин и вцепил снаряд.

Боевая машина ВСУ так и не перевалила насыпь, осталась торчать как памятник.
– Героям слава, – процедил Геша.

Глава 5. ПОСЛЕДНИЙ КОСТЕР

ДНР, Дебальцево. 28 января 2015 года

По гребню вала побежали укропы, и Репнин, поминая их по матери, выбрался из люка, хватаясь за «Утес»⁴ и выпуская пару очередей. Пули выбрасывали фонтанчики, когда чиркали по насыпи. Людей они ломали и рвали, нанося травмы, не совместимые с жизнью.

– Заряжай!
– Бронебойные вышли!
– Осколочно-фугасным!
– Есть!

Над валом, словно рубка подлодки над волнами, вздыбилась башня «семьдесятдвойки». Стала разворачиваться, показался борт...

– Огонь!

Осколочно-фугасный, выпущенный чуть ли не в упор, разворотил украинскому танку всю ходовую, и тот сполз с насыпи.

– Надо добить!

За валом внезапно полыхнуло пламя, и ударил гром – рванул боекомплект.

– Кто это его приголубил? Впрочем, хрен с ним! Михалыч! Выбираемся отсюда!

– Правильно... Обнаружили нас, чего сидеть зря?

– Как там наши? – поинтересовался Сегаль.

– Сейчас увидим.

Взрыкивая мотором, танк выбрался из своего закутка, поводя башней – точь в точь, как кот, выглядывающий из-за двери: ушли эти гадские собаки?

– Обратно, Михалыч.

– Ага...

«Т-72» вывернул, и проехал назад по своим следам. Там, где недавно находился ДЗОТ, теперь догорал украинский танк, свернув башню набок и уткнувшись пушкой в землю. Рядом весело пылал «КамАЗ» со сбитой кабиной. Тент, прикрывавший кузов, уже обсыпался, и покривившиеся дуги торчали черными ребрами. Трупы в украинской форме валялись на истоптанном снегу, запакошенном копотью и кровью. Их было много, десятки и десятки.

– Да-а... – протянул Михалыч. – Наши на месте не сидели.

– Эт-точно...

– Гляди, командир! Сто первый подбит!

– Вижу. Ты лучше хохлов высматривай!

– Вот, как это называется? – пробурчал мехвод. – У меня жена – хохлушка, самая что ни на есть, из-под Ровно. В Луганске сейчас, в больнице...

– Лежит?

– Лечит! Уложишь ее, пожалуй.

– Наш человек.

⁴ НСВТ «Утес» – крупнокалиберный пулемет (12,7 мм). Предназначен, в том числе, для поражения воздушных целей. В сравнении с «Т-64», на «Т-72» был исключен дистанционный привод пулемета, поэтому командир танка может вести огонь из «Утеса» только при открытом люке, наводя его вручную.

– А то!

– Командир! – напрягся Роман. – В лесополосе! Левее сто первого!

В лесополосе разворачивалось орудие. Какое именно, Репнин не разглядел. Может, гаубица, может, противотанковая Д-44. Не хотелось бы...

– Осколочно-фугасным! Огонь!

Рвануло, как в голливудском боевике – красиво, с разлетом чего-то горящего и дымящего. Видать, снаряд не только саму пушку покорежил, но и боеприпасы «списал».

И тут Геннадий заметил краем глаза шевеление чуть дальше подавленной «арты».

– Осколочно...

Поздно. Полыхнул выстрел. Снаряд ударил танку в башню. Пробить ее в лоб – никаких шансов, но контузить экипаж может легко – Геша ощутил себя внутри огромного колокола, по которому ударили кувалдой весом в тонну.

Роман все же успел нажать нужную кнопку, и автомат заряжания сработал, как надо.

Оглохнув, мотая головой, гудевшей, как тот колокол, Репнин выстрелил, накрывая артиллеристов. При этом он прекрасно видел, как, «змейкой» вывернув между тремя подбитыми «Т-64», выезжает «семьдесятдвойка». Ствол ее пушки был направлен, казалось, прямо Геше в лоб. И грянул гром.

125-миллиметровый ЗВМ-15 ударил в башню, попадая в орудийный щиток. Разрушив дневной прицел стрелка, он разорвал раму люка, и срикошетил в картузы. Адское пламя хлынуло сразу со всех сторон, взвихрилось ревущими, всепожирающими клубами.

Репнин закричал, но не услышал своего крика, вскинул к лицу горящие руки...

...И ударился лбом о резиновый нарамник прицела.

Боли не было. Совсем. Не было и огня.

И уши прекрасно все слышали – рев дизеля, лязг падавшей гильзы. В нос ударил резкий запах кордита.

И сидел он слева от орудия.

Геша словно выпал из реальности. В голове пустота, в душе леденящий холод. Тяжело это – умирать, но и воскресать не легче.

А ты что, воскрес, Геннадий Эдуардович? Ну, ты ведь жив-здоров, верно?

Но минуту назад он сгорал в чудовищном костре!

Репнин замычал, затряс головой, словно зуб разболелся.

– Что, товарищ лейтенант? – послышалось в наушниках.

– Н-ничего, – обронил Геша, и чуть язык не прикусил.

Это был не его голос.

Так, может, он умер? Ага, и оказался в раю для танкистов! Что за бред...

Репнин с силою зажмурил глаза, и открыл их. Ничего не изменилось. Но в голове началось просветление.

Когда человек гибнет, и ему нет спасения, то глядеть вокруг бывает некогда. Не до того как бы. А, вот, когда воскресает...

Действительность напирала со всех сторон. Он находился в танке, только это был не «Т-72». Геша мог поклясться, что занимает место командира «тридцатьчетверки».

И в его экипаже вовсе не трое, а четверо. Механик-водитель и стрелок-радист сидят пониже, а они с заряжающим – повыше, в тесной и «слепой» башне.

Мехводитом у него старший сержант Бедный, а радистом – сержант Ванька Борзых. Заряжающим – рядовой Федотов.

Он сошел с ума?..

Милый, когда сгорают картузы с порохом, с ума не сходят, а просто сгорают. До обугленных костяков.

Стало быть, это переселение душ.

«Хорошую религию придумали индусы: что мы, отдав концы, не умираем насовсем...»
Неизвестно, до чего бы додумался Геннадий, но тут заряжающий крикнул:

– Товарищ командир, вижу танки!

И у Репнина будто рефлекс какой сработал. Он приник к нарамнику прицела, и различил впереди полужнакомый силуэт.

Геша содрогнулся – это был немецкий танк «Т-III». Танк времен Великой Отечественной...

Геша закусил губу. Трындец!

И тут же озлился. Молчать, капитан! Истерики оставим на потом.

– Бронебойным, заряжай!

– Есть бронебойным!

– Короткая!

Бедный мигом затормозил, останавливая танк – на «тридцатьчетверке» стабилизаторов нету. Тут, если на ходу стрелять, попадешь в белый свет, как в копеечку, только боеприпас зря истратишь. Остановиться надо...

– Бронебойным готово!

– Выстрел!

Прицелившись, Репнин вжал педаль. Грохнуло.

Горячая гильза забрякала, напуская синего дыму.

– Рви!

– Попал, командир! Горят фрицы!

– Так им и надо... – еле вымолвил Геша, чувствуя себя, как самодеятельный артист, приглашенный на съемки фильма про войну.

Отмахнувшись (про себя) от назойливых мыслей, Репнин начал крутить маховик башни, поворачивая орудие по горизонту. В прицел всплыла парочка полугусеничных «Ганомагов», и три тентованных грузовика с тупыми мордами-капотами.

«Опели», кажется. «Опели-Блиц».

– Заряжай осколочным! Короткая!

Геннадий живо накрутил маховички, наводя орудие. Треугольная марка совместилась с «Ганомагом», и Репнин нажал на спуск.

– Вперед!

Снаряд развалил бронетранспортер, еще и грузовику досталось – осколками посекло кабину, превратив ее в коробчатый дуршлаг.

Немцы посыпались из кузова, падая и роняя карабины.

– Ванька! Чего ждешь?

Тут же зачастил пулемет, прореживая гитлеровцев.

– Товарищ лейтенант! – позвал Борзых. – Комроты приказал отходить к Дебальцево!

Сердце Геши дало сбой.

– Куда-куда?

– К Дебальцево! Да вон, отсюда видно уже!

Репнин глянул в прицел. Поле... Знакомое такое поле... И насыпь, только повыше. И склад, тоже разваленный... Да нет, этот просто недостроен – вон, камней куча и прочий стройматериал. Война помешала достроить...

«Ты веришь в это безумие?» – устало спросил себя Геша. И сам себе ответил: «Да».

Письмо ст. лейтенанта Д.Лавриненко домой:

«Привет из лесу!

Здравствуйте, мама, Нина, Люба, бабушка, Толя, Тая, возможно, Леня (если не уехал)!

Сообщаю, что жив, здоров и невредим, чего и вам желаю.

Пишу письмо в лесу, около землянки. Уже темнеет. Сегодня получили подарки от москвичей... Мы защищаем подступы к Москве.

Вы уже, наверное, знаете из газет о нашей части, и в частности обо мне. Мама, Нина, возможно, вы и отвечали на мое письмо, которое я писал в лесу под Орлом, но я его не получил, так как вскоре мне пришлось сменить место. Я один ехал на своем танке, отдельно от части. Был в Москве, смотрел улицы, дома и опять – на фронт. В части меня хорошо встретили и представили к правительственной награде.

Поздравляю вас с праздником 24-й годовщины Октября. Мы его справляем у костра, выпили по сто согревающих граммов и беседуем, а на рассвете – в бой...

6.11.41 г.»

Глава 6. ТАНКОВЫЙ АС

Дебальцево, Южный фронт. 28 сентября 1941 года⁵

Командир танковой роты, сонно моргая от недосыпу, тыкал сучковатым пальцем в карту, расстеленную прямо на броне танка, и бубнил:

– Вчера наша 9-я армия и Таганрогский боевой участок в составе трех дивизий нанесли контрудар и потеснили передовые части противника, где на десять, где на все пятнадцать километров...

Зенков, командир «КВ», крикнул довольно.

– Зря крикаете, товарищ Зенков, – пробурчал комроты. – Подходят главные силы 1-й немецкой танковой армии Клейста, и Ставка приказала нам отступить на рубеж Красный Лиман – Дебальцево. Ох, чуть не забыл... Лейтенант Лавриненко!

Поводив глазами, он глянул на Гешу.

– Вижу... Вы ж с 15-й танковой дивизии?

Репнин механически кивнул, не слишком вникая в суть.

– Вашему взводу, товарищ Лавриненко, приказано грузиться и отправляться под Москву, а то вы задержались тут не по делу... Из личного состава 15-й и 20-й танковых дивизий формируется 4-я танковая бригада. Командовать ею будет полковник Катуков. Собирайтесь, документы получите у начштаба.

– Есть!

Геша не знал, где тут штаб, но ноги сами повели его. Остановившись возле землянки, на сруб которой был приделан большой осколок зеркала (видать, тут было место для бритвы), Репнин поглядел на свое отражение.

Да, на него смотрел Дмитрий Федорович Лавриненко, танковый ас. За два с лишним месяца боев Дмитрий Федорович поучаствовал в двадцати восьми схватках, уничтожив пятьдесят два немецких танка!

Его не призывали на фронт, Дмитрий Федорович сам пошел в армию, добровольцем, еще в 34-м. Почему? Видать, было что-то изначально заложено в его характере, что-то боевое, воинское.

Ведь начинал Лавриненко, как учитель в школе, и у него это очень хорошо получалось. Почему же он променял сугубо мирную профессию на другую – Родину защищать? Может, как раз в этих двух словах и кроется ответ?

⁵ Согласно официальным источникам, 28 сентября ст. лейтенант Лавриненко находился в деревне Акулово, близ станции Кубинка, где сосредотачивалась 4-я танковая бригада.

В 38-м Дмитрий Федорович окончил Ульяновское бронетанковое училище. Науки постигал легко – учитель, все-таки! Вот там-то, в Ульяновске, и проявилась истинная натура Лавриненко – из всех видов оружия он стрелял на «отлично». Его звали: «Снайперский глаз».

В 39-м Дмитрий Федорович участвовал в освободительном походе на Западную Украину, в 40-м – на Бессарабию. В Станиславе познакомился с хорошей девочкой Ниной, на которой и женился летом 41-го.

Командир взвода танков «БТ-7», Лавриненко отступал с боями, вместе с остальной 15-й танковой дивизией, пока та не растаяла вовсе в Уманском котле.

«БТ-7» очень маневренные, но с хлипкой броней. Другое дело – «Т-34». Когда лейтенанта Лавриненко назначили командиром танкового взвода «тридцатьчетверок», Дмитрий Федорович сказал: «Ну, теперь я с Гитлером рассчитаюсь!»

Репнин криво усмехнулся. Дмитрий Федорович!

Ныне это ты и есть, Геннадий Эдуардович!

Забудь про капитанские погоны, про «Т-72Б». 41-й год на дворе.

Война идет!

Опять-таки, Лавриненко сейчас сколько? Он в 1914-м родился... Господи, ему двадцать семь всего! Он на пятнадцать лет тебя младше, то бишь моложе, товарищ Репнин! И волосы густые...

Геша насупился. Кто он? Лавриненко? А нету больше Дмитрия Федоровича! И Гешки тоже нету! Есть человек с телом Лавриненко, а личность у него твоя! Душа, так сказать. Переселилась. Через время.

Хоть садись, и роман про «попаданцев» пиши.

Тема модная и понятная – ужас, как хочется переиграть старые сражения, вернуть отнятое либералами и т.д. и т.п.

Но Геннадий никогда не читал подобные опусы. Смысл?

Историю-то не изменить, что было – было. Это учебники можно переписать, низведя освободителей в «оккупанты», а немецких холуев возвышая до героев.

Так он тогда рассуждал. А теперь что?

Не один месяц минует, пока то, что случилось с ним, станет не то, что привычным, но хоть как-то сольется с фоном повседневности. Человек привыкает ко всему, даже к самому небывалому.

Перебрось общагу на звездолет – через месяцок в его отсеках все так же будут сушить белье и метаться между буком и плитой, где в сковородке варится суп (а что делать, если кастрюли нет?)...

Геша закрыл глаза, и потряс головой. Невероятно! Хотя и вполне очевидно...

Отвернувшись от зеркала, он побрел к штабу, подумав, что личность Лавриненко, может, и отсутствует, но вот память его задержалась. О самом Дмитрие он знал – интересовался, как любой нормальный летчик интересуется подвигами Кожедуба или Покрышкина.

Но откуда тогда ему известен экипаж? А дорога к штабу? Кстати, вот и штаб.

Получив документы, продовольственные аттестаты на весь взвод, и прочие «бумажки», Геннадий выбрался наружу.

Начштаба, человек старой закалки, пожилой совсем, называл его Митей. Нина звала Димой...

Он научится откликаться на чужое имя, привыкнет быть не собой, но внутри, «про себя», так и останется Гешей...

Репнин усмехнулся. Он еще и грустит, сволочь мелкая! Вот, что за человек...

Да ты молиться должен, поклоны бить той неведомой силе, что перенесла тебя из горящего тела в молодое и здоровое!

Может, это и не чудо вовсе, а, скажем, эксперимент пришельцев из космоса. Или людей из далекого будущего.

Да хрен его знает, может, это и вовсе прихоть Мирового Разума или сбой в законе кармы! Какая разница?

Главное – ты жив, молод и здоров! И уж точно не позволит себе погибнуть этой зимой.⁶ Нет уж!

Коли жизнь дается дважды, то пусть тянется долго-предолго, пока не надоест...

Вздыхнув, Репнин потопал в расположение взвода – надо было успеть добраться до железнодорожной станции, погрузить танки, разместить людей. Мороки будет...

Геша фыркнул, улыбнулся – и не выдержал, рассмеялся.

Все же хорошо, чего он? Переживать надо не о себе, а о тех, кому не удалось вырваться из подбитого «Т-72». Может даже и так быть, что его душу, рассудок, сознание, личность не просто перенесло. А если состоялся обмен? Его – сюда, а Лавриненко – туда? В огонь?

Хоть бы они не сгорели там, в своем 2015-м. Бывало же так, что картузы не сразу вспыхивали, а только обугливались...

Может, экипажу сто второго все же удалось выбраться? Пускай обгорелыми, но живыми? Как это сейчас узнаешь?

– Тащ командир!

Это подбежал Федотов.

– Я вместо него... – добродушно проворчал Геша, и поежился.

Давняя шутка прозвучала более чем двусмысленно.

Заряжающий заулыбался.

– Тащ командир, говорят, уезжаем?

– Правильно говорят.

– А куда?

– Под Москву. Столицу оборонять будем.

– Ага... А когда?

– Сейчас. Марш к танку, нам еще до станции телепаться...

Сводка Совинформбюро за 27 сентября 1941 года:

«В течение ночи наши войска вели бои с противником на всем фронте. По неполным данным, на подступах к Ленинграду за несколько последних дней уничтожено свыше 4 тысяч немецких солдат и офицеров, 66 вражеских самолетов, 34 танка, свыше 30 орудий, 30 пулеметов, 20 минометов, до 100 автомашин, много винтовок, автоматов и боеприпасов.

На одном из участков Ленинградского фронта противник пытался 25 сентября перейти в наступление, но был отброшен с «большими для него потерями. На поле боя осталось более 200 трупов немецких солдат и офицеров.

Звено бомбардировщиков части майора Щеголеватых совершило успешный налет на аэродром противника. С высоты 700 метров звено подвергло бомбардировке около 50 немецких самолетов находившихся на аэродроме. Уничтожено и повреждено более 20 самолетов типа «Хейнкель» и «Мессермитт».

Авиация, действующая на Западном направлении фронта, уничтожила за 24 сентября на земле и в воздушных боях 30 немецких самолетов, разбомбила 65 танков, больше 220 автомашин, склад с горючим, разрушила 3 казармы и 2 ангара, подавила 10 зенитных установок и батарею, сожгла железнодорожный состав.

⁶ 18 декабря, на подступах к Волоколамску, Д.Ф.Лавриненко был убит осколком мины.

На одном из участков Западного направления фронта наши части уничтожили более 300 немецких солдат и офицеров, 17 танков, 16 автомашин. Захвачены многочисленные трофеи. В упорном бою на другом участке Западного направления фронта противник потерял 3 танка, 4 танкетки, одну бронемашину и несколько орудий»

Глава 7. ЧЕТВЕРТАЯ ТАНКОВАЯ

Мценский район, село Ивановское. 6 октября 1941 года

Геша едва поспел к сроку, хотя его вины не было, все зависело от паровоза, машинистов и ситуации на железной дороге.

2 октября его взвод добрался до деревушки Акулово, что под Москвой. На другой день формирование 4-й танковой бригады завершилось, и ее передали в оперативное подчинение 1-го особого гвардейского стрелкового корпуса генерал-майора Лелюшенко.

Корпус и сам-то организовался 2-го числа, только под Мценском. Перед Лелюшенко стояла сложная задача – разбить противника, прорвавшегося в район Орла, задержать продвижение танковых войск врага, остановить их на рубеже реки Зуша и преградить путь на Тулу.

...Грохотали дизеля, наполняя воздух синим смрадом, брякали «гусьанки».

«Правее! – орал чей-то хриплый голос. – Так держать! Пошел!»

Геннадий до того набегался за день, утрясая взводные дела, что даже малость одурел. Еще и понервничать пришлось.

«Т-34» – танк замечательный, но сделан, как попало, до ума его еще доводить и доводить. Но война-то уже идет!

В его взводе состояли три танка «Т-34-57», с литой башней и мощной противотанковой 57-миллиметровой пушкой ЗИС-4.

Орудие пробивало с максимальной дистанции броню в 82 миллиметра толщиной, а с минимальной – и все 98 мм.

Вот только танков с такими пушками было очень мало, их даже называли особо – танками-истребителями. Спрашивается: а кто мешал ставить их в большем числе? Ладно, там, ЗИС-4 – это новая разработка. Ну, а Ф-34, которые стоят почти на всех «тридцатьчетверках»?

Орудие, само по себе, неплохое, но очень скоро его огневой мощи не хватит, чтобы одолевать новые немецкие танки. Репнин отказывался понимать Грабина, конструктора Ф-34. Ведь талантливый же, вроде, человек! Так чего ж ты, самородок хренов, на месте топчешься, коекакерам разным потакаешь, вроде маршала Кулика, дурака непробиваемого, винящего ЗИС-4 в «избыточной мощности»? Неужели это так сложно сделать – взять, да и удлинить ствол Ф-34 до 55 калибров? Такой «длинномер» сразу сблизится по баллистике с ЗИС-4! Нет, будут сидеть, сопли жевать, дожидаться Курской дуги, когда появятся «Тигры»...

Нашим надо будет чуть ли не вплотную подбираться к «Т-VI», чтобы с двухсот метров прикончить «полосатого» пятью-шестью попаданиями, а вот «Тигр» станет шлепать «тридцатьчетверки» с полутора-двух километров! И только тогда в наркомате зачешутся...

Репнин поморщился.

Пробегая между двух танковых колонн, он едва с ног не сбил Катукова.

– О-па! – воскликнул Михаил Ефимович. – Куда это вы так мчитесь?

– Виноват, товарищ полковник! – сказал Репнин одышливо. – Надо было рации поставить Капотову и Антонову, а то полвзвода с радио, половина – без...

– Ну, ладно! – засмеялся Катуков. – Не задавили, и на том спасибо. Готовьте свой радиофицированный взвод, товарищ Лавриненко, бригаду перебрасывают к Мценску.

– Есть готовить взвод!

И Геша опять побежал – комбриг только головой покачал. Катуюкову тоже хотелось припустить бегом – бригада только-только покинула эшелон, и вот новый приказ: грузиться, и двигать на Мценск!

* * *

За два дня 4-я бригада пополнилась старыми, «откапиталеными» танками «БТ-7» и новыми «КВ», а уже 5 октября эшелон с матчастью и личным составом прибыл в тихий Мценск.

В городишке моросило, командир танкового полка Еремин носился вдоль состава, помогая разгрузке, и поторапливая:

– Живее, товарищи, живее! На нас вся надежда!

Сюда, к Мценску, направлялись «панцерваффе» из 2-й танковой группы Гудериана, если точно – 4-я танковая дивизия генерал-майора Вилибальда фон Лангермана унд Эрленкампа. Этот тевтон настолько презирал русских, что пренебрегал разведкой и охранением. Ну, ему же хуже.

Немцы могли нанести удар вдоль шоссе «Орел – Мценск – Тула», или же по грунтовке.

5 октября немцы ударили по Мценску – над шумливой речкой Оптухой, над селом Ивановским загудели «Юнкерсы», вываливая бомбы на позиции РККА. Показались немецкие танки, за ними продвигалась пехота.

Танковые засады на левом фланге, занятые «тридцатьчетверками», дали сдачи фашистам, подбив восемнадцать «панцеров». Гудериан, решив, что возле Ивановского скопились изрядные силы русских, бросил сюда еще один моторизованный полк.

Катуков не стал рисковать людьми и техникой, он отдал приказ отойти севернее, к селу Первый Воин.

У Первого Воина шоссе полого спускалось к Лисице, притоку Оки, и от заросшей кустарником низины поднималось вверх, к селу, обсаженному молодыми тополями. А вокруг небольшие высотки, маленькие рожицы, поляны с редкими стогами сена.

Мотострелки комбата Кочеткова развили бурную деятельность – рыли окопы и траншеи, «заглублялись» на полосе между Первым Воином и Нарышкиным.

Катуков тоже постарался, подготовился к встрече незваных гостей – танки и дивизион противотанковой обороны занимали свои места, но все же полковник хорошо понимал, какая сила наседала сейчас на них. И дело было не только в мощи, но и в опыте – молодчики Гудериана прокатились по всей Европе, нагоняя страху на бюргеров. С другой стороны, командование не бросало его бригаду – вон, прибыл полк пограничников Пияшева, эти ребята поддержат бригаду. А танки устроят немцам шесть засад...

* * *

Утро 6 октября выдалось холодное. Подмораживало, а потом и вовсе снежок пошел.

Немцы начали атаку с бомбардировки – «Юнкерсы» засыпали бомбами окопы, к счастью, ложные, со стволами спиленных деревьев вместо реальных орудий. Зенитчики лейтенанта Афанасенко сбили пару бомбовозов, и те рухнули на правом берегу речки Лисицы.

И вот они появились, серые коробочки танков. «Т-II», «Т-III» и «Т-IV» выворачивали из-за поворота в долину реки. За ними катились бронетранспортеры и грузовики с пехотой, тягачи с пушками, мотоциклы с автоматчиками.

Артиллерия ударила по немцам с фланга, но те вояки бывалые, смяли ПТО. Перейдя Лисицу, танки вышли на позиции мотострелков, и поперли «утюжить» окопы.

Репнин все это видел, но себя не выдавал – весь его взвод прятался в засаде.

- Товарищ командир! – крикнул Борзых. – Полковник приказал помочь пехотинцам!
- Понял! Передай нашим: действуем по вчерашнему плану!
- Есть!
- Иваныч, ходу! Разворот вправо на 45, и тормози!
- Есть!
- «Тридцатьчетверка» зарычала, выползая из зарослей на опушке.
- Заряжай броней!
- Уже!
- Огонь!

Немецкая «четверочка» словно сама подставилась – снаряд вошел точно в борт, разнося двигатель, и танк полыхнул. Синтетический бензин горел не хуже натурального.

- Готов!
- Газу, Иваныч! Дорожка!⁷
- «Т-34», взревывая, как сказочное чудовище, продолжил охоту.

Земля в прицеле тряслась и колыхалась, кромка леса плясала, но Репнин умудрился-таки рассмотреть атаку танка Капотова.

Тот зарядил «троечке» броней под башню, да так, что ту сорвало и бросило в кувырок. Боекомплект рванул в погон, как из жерла. Готов...

- Антонов уже второго уделал! Тащ командир...
- Заряжай!
- Есть!

«Вчерашний план» был насколько прост, настолько и хитер – не показываясь до поры, три танка взвода должны были атаковать с разных направлений, создавая видимость массивной атаки. Пусть фрицы думают, будто русских больше, а это действует на нервы.

По «тридцатьчетверке» выстрелили, но без успеха, а вот Репнин послал броней «приветы» сначала одному «Т-III», потом другому, и оба раза в корму. Немчура елозила по окопам, хороня мотострелков. Ну, вот, вас и самих тут зароят, если останется, что в гроб класть...

– Борзых! Свяжись с Антоновым, скажи, пусть разворачивается, и шурует к роще, что справа!

– Понял!

«КВ» младлея Полянского развернулся, и покатил к роще. И вовремя – по его следу газовали пять немецких «Т-IV».

- Тяжеленькие, они могли доставить неприятности.
- Капотов! Не спи! У тебя под носом «четверки»!

В прицеле было видно, как выстрелил танк Капотова, и как у «Т-IV» сорвало гусеницу. Немец стгоряча крутанулся, и увяз катками в рыхлой земле.

Башня немецкого танка могла вращаться, но сама машина была сильно перекошена, так что наводчику «четверки» оставалось либо в небо над лесом палить, либо в землю.

Этим Капотов и воспользовался, послав почти в упор осколочно-фугасный. Немецкий танк, чья корма была увешана канистрами с бензином, запылал весело и ярко.

- Гори-гори ясно...
- Иваныч! К роще!
- Есть!
- Заряжай броней!
- Готово!
- Короткая!

⁷ Данная команда означает, что впереди ровно, гладко – можно гнать на скорости.

Между «Т-34» и немецкими «четверками» прорастали молоденькие деревца – не очень-то и спрячешься. Но попробовать можно.

«Т-IV» вывернул из-за рощи, разворачивая башню в противоположную от Репнина сторону – надо полагать, Полянского выцеливал...

– Огонь!

Снаряд вошел «четверке» в борт, оставив после себя черное отверстие. Немецкий танк замер, башня его остановилась, а секунду спустя фонтаны огня вырвались из всех люков.

– Иваныч, поворот направо, и остановка!

– Есть!

– Дай броневой!

– Готово! Вон, танк разворачивается бортом!

– Иваныч, немного левее дай! Так!

– В самое яблочко!

Гитлеровцы и не хотели, а подставили бока. И Геша спешил воспользоваться шансом.

– Тащ командир! – взвыл Борзых. – Антонов уже пятого уделал!

– Не завидуй, Ваня! Это же наша общая победа! Или ты не видишь? Мы ж загоняли немцев под его пушку! А когда их Капотов шуганул, они нам подставились. Это как в футболе, понял? Не важно, кто забил гол, главное, чья команда победила... Так, Иваныч, видишь во-он тот пригорочек, где пушка разбитая?

– Вижу, тащ командир!

– Давай туда! Только не напрямую, а через подлесок.

– Понял!

Танк, газуя, вскарабкался на горку, ломясь через густой подлесок. Над голыми верхушками едва башня выглядывала. Левее, на дороге, горел «БТ-7» и ворочал башней «КВ» Полянского.

Тяжелый танк не мог сдвинуться с места – левая «гусанка» размоталась, а на правой были разбиты пара катков. Обездвиженный, «КВ» не сдавался, садил из пушки по врагам рабочего класса.

Парочка «Т-III» направлялась к нему, собираясь добить. Вот один выстрелил, и попал, да только 50-миллиметровый снаряд не пробил броню «КВ», а рикошетом ушел в небо, выбив сноп искр.

– Врешь! – завопил Федотов, подглядывая в смотровую щель. – Не возьмешь!

– Броневой подкалиберный!

– Готово!

– Иваныч, тормози! Ваня, передай Капотову, пускай задним ходом в лес закатывается – пара танчиков как раз мимо прокатит.

– Есть!

А немцы продолжали подкрадываться к «КВ». Русский танк замер на самой верхушке, и склон перед ним являлся «мертвой зоной». Этим фашисты и воспользовались. А если подойти ближе, то можно «КВ» в упор расстрелять, загоняя снаряды чуть ли не под днище.

Ну-ну...

Репнин плавно навел орудие. В прицел вполз «Т-III», следующий первым, как бы ведущим. А мы пробьем по ведомому...

– Огонь!

Из воспоминаний полковника В. Чистякова:

«Мне посчастливилось год проучиться в ускоренном танковом училище. Это было ужасно. Даже ужасней фронта. Подъем в 6 утра, отбой в 23. Мертвый час. Казарма не

отапливалась, а холода страшные. Утром с голым торсом на зарядку в снег и в дождь. Даже в казармах шинели не снимали. Голодные были постоянно. Хотя кормили по девятой норме: 20 граммов масла в сутки, 50 граммов сахара. Когда сахара не было, виноград давали. Кашей пшеничной ежедневно кормили. Правда, заправляли эту кашу хлопковым маслом. Это было ужасно – организм его не принимал.

И каждый день тяжелейшие занятия. Устройство танка, вождение танка, стрельба. Сначала водили машины. С утра 6 часов занятий и 4 – после обеда. А занимались в 24-ой школе, до которой два километра нужно было пешком идти. Утром в пешем строю, на обед, с обеда и вечером. Нагрузка чудовищная. А курсанты голодные...

В сентябре состоялся выпуск училища. И младшие лейтенанты отправились в теплушках в Нижний Тагил получать танки.

Когда подошел срок, экипаж отправился на завод. А там пацаны работают. Показывают остов машины. Ни гусениц, ни башины, ни двигателя – вот ваш танк будет! Танкисты в качестве разнорабочих на подхвате помогали танкостроителям. Ежедневно приходили на завод поднести что-то, подать. Вместе строили машины. Когда танк был готов – проводились испытательные боевые стрельбы на полигоне. По три снаряда на танк выдавали. Тогда пушки старого образца Л-11 ставили. Урал в декабре «радовал» морозом до 30 градусов. Можно было и в танке обморозиться. А обморожение – членовредительство. С такими «обморозками» особый разговор мог быть, как с дезертирами.

После боевых стрельб танки грузились в эшелоны. Каждый сутки 30 танков отправлял 183-й танковый завод («Уралвагонзавод»). Пять суток без всяких остановок эшелон шел на фронт. На платформах 30 танков. Старшим сопровождает эшелон майор. Он сдает машины в боевые части и возвращается в Нижний Тагил за новым эшелоном. Выгружались в Великих Луках под обстрелом. Город горел, и его постоянно бомбили.

В конце года, числа 30 декабря прибыли в 159 танковую бригаду 1-го танкового корпуса. Нужно было машины в белый цвет перекрасить, известкой вымазать для маскировки на снегу. Марш предстоял от Великих Лук под Витебск километров на 150. Через речку переправлялись. Механик забыл закрыть люк, так водой здорово лупануло. 7-8 января намечался первый бой. Это уже вторая попытка взять Витебск. Мне повезло остаться живым после первого боя потому, что на моем танке был командир роты. В роте 10 танков, семь командиров танков и три командира взводов. А у ротного должен быть отдельный танк. Потому что, если танк будет подбит, то командир танка остается с машиной, а ротный переходит на другой танк, чтобы руководить ротой. А против нас «Фердинанды» стояли. Рота идет в колонне в атаку. Развернуться негде. А что такое колонна – первый танк подожгут, остальные стоят. Деваться некуда. Слева – лес и болота. Справа – лес и болота. Белоруссия, одним словом...»

Глава 8. ПЕРВЫЙ ВОИН

Миценский район, село Первый Воин. 6 октября 1941 г.

Снаряд, сбивая метелки бурьяна, ушелестел, мерцая синим донным трассером. Есть! «Катушка» вошла «тройке» в бок, как кто ей финку всадил.

Немецкий танк остановился, взревел, развернулся на месте, загребая гусеницами грунт, и встал колом. Из люков полезли танкисты, но им очень не повезло – пехотинцы, засевшие в лесу, ударили по ним из пулемета, тут же сменив позицию.

И вовремя – один из «Т-III» развернул башню, и выстрелил осколочным, повалив сосну и разрыв дерн.

Не отвлекаться!

Репнин приник к нарамнику, прицеливаясь. «Ведущий» почти подкрался. Вот, сейчас одолеет бугорок, и выдаст броневой бойный...

– Броневой бойный!

– Готово!

– Выстрел!

Нет, товарищи, бить «троечку» в борт – это истинное удовольствие!

Повезло лишь водителю – успел смыться. А в следующую секунду рвануло – башня поднялась на облаке огня и дыма, и тяжело опустилась обратно. Как могильная плита.

«А кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет...»

Тут, наконец, немцы углядели схрон, и сразу парочка снарядов прилетела с разных сторон, словно нащупывая «тридцатьчетверку».

А хрен вам...

– Тащ командир! Вроде наши подходят!

– Пехота?

– Она!

Откинув крышку люка, Геша выглянул.

К танку поспешали мотострелки, числом не больше взвода. Да нет, меньше. Отделение, и каждый третий ранен.

– Привет танковым войскам! – крикнул младший лейтенант с перевязанной головой.

– Ползайте на броню, подброшу.

– Это дело!

Пехота загомонила, забираясь на танк, помогая раненым товарищам.

– Все сели? Иваныч, задний ход!

– Есть!

Танк попятился назад, и вывернул на дорогу – узкую лесную дорогу, которая через каких-то триста метров привела к околице Первого Воина.

Там сохранилась единственная батарея ПТО, и это было заметно – два немецких танка с обгорелыми башнями, коптели небо.

Еще парочка медленно отъезжала задом, изредка постреливая. Видимо, гитлеровцы опасались подставлять пушкарям корму.

Правильно опасались...

– Броневой бойный!

– Готово!

– Выстрел!

Орудие долбануло раскатисто и гулко, поражая «Панцеркампфваген» – болванка разнесла двигатель, ломая шатуны и кроша цилиндры. Бензин, как полагается, вспыхнул, и немцы полезли наружу – тут же захлопали выстрелы пехотинцев.

Соседний «Т-III» развернул башню.

– Иваныч, рви!

«Тридцатьчетверка» газанула, уходя с линии огня, и выстрел пропал даром – снаряд ушуршал в лес. Зато артиллеристы с околицы не оплошали, ударили залпом. Ни один из 37-миллиметровых снарядов не пробил крупновскую броню, но гусеницы и ленивца танк лишился.

– Иваныч, трогай потихоньку!

– Есть!

На ходу развернув башню, Репнин скомандовал:

– Броневой бойный!

– Все вышли, тащ командир!

– Осколочный, живо!

– Есть! Готово!

– Короткая! Огонь!

Снаряд ударил фрицевскому танку под башню.

– Заклинило, вроде! Не чухаются!

– Осколочный суй. Добавим.

– Готово!

– Огонь!

«Добавочный» снаряд почти скovyрнул башню, а уж как себя чувствовали немцы, котoрым «прилетело»... Ну, так знали же, куда шли! Дранг нах Остен? Ну, вот тебе «дранг», вот тебе и «Остен»...

* * *

Набрав бронейных в пункте боепитания и заправившись, «Т-34» вернулся, вновь минуя село с говорящим названием.

«Панцерваффе» оказались здорово прореженными, но силенок у врага еще хватало – сорок советских танков задержали четыреста немецких. Но задержали же, не пустили к Мценску!

Взвод Репнина разъехался – танки двигались скрадом, прячась в низинках и промоинах, скрываясь за холмами, стогами сена и купами деревьев.

Показывались, останавливались, стреляли – и словно пропадали.

А немцам и невдомек было, что в напряжении их держит всего один взвод – скрытность и обстрел со всех направлений создавали видимость действий крупных сил большевиков.

Пехота оставила окопы у Первого Воина, сместилась дальше, снова взявшись за саперные лопатки, стала закапываться.

Противотанковая артиллерия была практически выбита, но без орудий мотострелки не остались – две «тридцатьчетверки» с конченными двигателями застыли на флангах в ожидании тягача. Светит ли им ремонт, было неизвестно, но дать прикурить немцам танки, ставшие огневыми точками, вполне могли.

«КВ» Полянского занялись рембатовцы, обещая «вылечить» за день, а пока на защиту тяжелого танка встал его собрат под командованием младлея Заскалько.

В сражении случился некий перерыв – немцы перестраивались, подтягивая подкрепления. Ну, и Катукoв подсуетился – пригнал пару мощных тягачей «Ворошиловец», четыре или пять трехтонок с боеприпасами и горючим. Появился и дивизион «катюш» капитана Чумака. Продолжение следовало...

* * *

Репнин, выглядывая из люка, высмотрел пацана – курносую личность лет десяти-двенадцати. В широченных штанах и рубашке, явно не по размеру, в бушлате, наброшенном на плечи, мальчишка таращился на танк, почти не скрываясь.

– Эй! – подозвал его Геша. – Помочь Красной Армии не желаешь?

– Желаю!

Папаненок подошел поближе, задирая вихрастую голову кверху.

– Звать как?

– Егором!

– Слушай, Егор, есть тут дорога по лесу, чтобы на запад, вон туда, пройти незаметно? Чтобы танки прошли?

– Есть, как не быть, – солидно ответил Егор. – Сено по ней возили. Показать?

– Залазь!

Мальчишка буквально вспорхнул на «тридцатьчетверку». Настоящий танк!

– А тебя не хватятся?

– Не-е! Я с бабкой живу, а она старая, все богу своему молится.

– Ну, показывай дорогу тогда.

– А вот так, где пастбище, и в лес!

– Иваныч! Налево!

Танк вздрогнул, и двинулся к лесу.

– Ваня! Передай по взводу, чтоб за мною двигались.

– Есть!

Свернув, «Т-34» канул в рощу, выбираясь на заброшенную дорогу – даже колеи зарастали травой. Танки Капотова и Антонова шли следом, как привязанные, по очереди качаясь на буграх, и кивая пушками.

– Дядечка танкист! Направо теперь! Вон, где сосна горелая!

– Направо, Иваныч.

– Понял.

Лесовозная дорога была весьма ухабиста, но только не для танка – «тридцатьчетверка» перла вперед, как по шоссе.

– Все, Егор! Слазь! Спасибо тебе, и дуй домой. Дальше мы сами.

– До свиданья, дядечки танкисты!

– Бывай!

Помахав «проводнику», Репнин спустился в башню, окунаясь в машинное тепло.

– Иван, передай нашим – будем расходиться. Антонов пусть сейчас сворачивает, я за ним, а последним Капотов. И чтоб не высовывались! Долго ждать не придется, немцы скоро в атаку пойдут. Двинут, пока не стемнело...

– Понял, тащ командир!

Подрабатывая двигателем, «Т-34» тихонько подъезжал к опушке, подкрадывался.

Дорога, что открывалась за деревьями, была широка. По сути, это был обширный прогал между двумя лесными массивами. Слегка всхолмленный, заросший густой травой и кустарником, он мог служить настоящим «проспектом» для танков противника.

Но не для парадов – об этом красноречиво свидетельствовали обгоревшие остовы танков, черневшие вразброс.

Грунтовая дорога, ведущая к Первому Воину, была буквально истерзана гусеницами, кое-где и воронки зияли.

– Иваныч, глуши мотор.

– Есть.

Репнин приподнял крышку люка, и вдохнул. После рева дизеля, лязга и грохота тишина оглушала. Стянув с себя шлемофон, Геша прислушался. Тихие звуки не давались ему, но множественный рокот моторов доносился вполне отчетливо.

«Ждем-с», – мелькнуло у Репнина.

Вдохнув еще раз запах прели, он зажмурился. Хорошо...

Словно и не война...

Удивительно. Само «переселение душ» его поразило и напрягло – вечером первого дня, еще на Донбассе, он долго чистил зубы порошком, полоскал, и даже остограммился. Но вовсе не для того, чтобы «забалдеть» или «залить горе», а просто очистить глотку – было неприятно касаться чужим языком чужих зубов...

И чем тут могла помочь «Столичная» или даже трофейный коньяк? А вот, поди ж ты... Помог.

А потом все завертелось, закружилось – служба. Уставал так, что ложился – и засыпал. Сразу, как малолетка – те даже вверх ногами заснуть умудряются.

В общем, справился с собой. А вот то, что он оказался на войне, не той, киношной, а самой, что ни на есть взаправдашней, его нисколько не поразило. Наоборот, Геннадий воспринял это, как естественное «приложение» к той «невероятности», которая с ним произошла.

Нет, сказать, что он ко всему уже привык, что освоился в этом времени, нельзя, это неправда. Репнин только-только начинает понимать, чувствовать, ощущать мир 40-х годов. Ему еще предстоит немало волнений пережить. Ведь где-то жива мать Лавриненко, какие-то родственники – и жена. И ему придется, пусть не сейчас, но все равно придется сыграть роль сына, брата или дяди, мужа.

И дело даже не во внешних данных Нины, просто... Ну, не актер он, чтобы вжиться в роль!

Ладно, это испытание наступит не скоро. А вот бой...

Репнин напряг слух. Лязг и рокот явно приближались.

– Иваныч, заводи!

Напустив сизой гари, заработал дизель – это ничего, даже самые громкие звуки затеряются в шуме немецких моторов.

А вот и «панцеры» показали... Танки шли красиво, выстроившись «ромбом». Ну-ну...

– Бронебойный.

– Готово.

– Выстрел!

Снаряд вошел «тройке» под башню, подрывая ее. Репнин тотчас же подвернул орудие левее, выстрелил, попал, развернулся вправо.

– Бронебойный, заряжай!

– Есть, бронебойным! Готово!

– Выстрел!

Заполучи, фашист, гранату...

– Отходим! Иваныч, задний ход! Ванька, передавай сигнал арте – немчуру притормозили на указанном рубеже!

Немцы обрушили на лес залпы своих пушек, а Геша, кусая губы, следил за врагом в прицел, и все ждал начала «концерта». Лес – не лучшая защита, и это, конечно же, наглость – стрелять по немцам, подкравшись, можно было и схлопотать. Но Репнин старался для дивизиона Чумака, а немцы пока даже не слышали о таких штуках, как гвардейский миномет...

С воем и ревом, откуда-то из-за леса вырвались трепещущие огни реактивных снарядов. Завершая дугу траектории, они обрушились на немецкий танковый «ромб», превращая лощину в филиал ада. Отдельные взрывы сливались в общее море огня и дыма, в котором рвало на куски железо, а человеческую плоть – в горелые клочья.

– Уходим! – выдохнул Репнин.

* * *

Катуков направил разведчиков к месту огневого налета, и те записали потери фашистов: под ударами «катюш» сгнуло сорок три танка, шестнадцать машин и с полтысячи «зольдатен унд офицеры».

В ночь на 7 октября Катуков отвел бригаду на рубеж Ильково – Головлево – Шеино.

Из воспоминаний И.Цыбизова:

«Числа я уже не помню, запомнилось лишь, что стоял прекрасный солнечный день. Мы наступали, как вдруг немцы неожиданно перешли в контратаку. Но наша пехота открыла плотный огонь и немцы залегли. Лишь одна их «четверка» – Т-4 быстро приблизилась к нашим позициям. А наш танк стоял замаскированный в кустах, и оказался незамеченным во фланге у немца. Причем довольно близко. И у меня мгновенно мысль – нужно таранить! Только успел спросить Шинкаренко: «Делаем таран?» – «Делай!» Рассчитал, и сбоку ударил своей серединой в его ведущее колесо. Оно сразу в дугу, фактически вывернул его – он встал. А у немцев принцип – если только танк встал, они сразу из него выскакивают. Берегут экипажи. Меня поначалу даже удивило, насколько легко они бросали свои танки. Но они только стали выскакивать, а у нас же четыре десантника на броне. И ребята их сразу расстреляли... Без танка их контратака сразу захлебнулась, и немцы отступили. А у нас и машина в порядке, и сами целые. Только легкие ушибы получили.

Конечно, можно было его и из пушки, но, во-первых, еще неизвестно попадешь ты или нет. Во-вторых, даже если попадешь, то может случиться рикошет. Он же быстро ехал мимо нас под углом. Но главное, что все это случилось настолько быстро, что даже не было времени обдумать все, как следует. Ударили, а они и не ожидали совсем. Думаю, даже заметить меня не успели. Вы думаете, из танка все хорошо видно? Там и спереди-то не все увидишь, а уж сбоку и сзади и подавно. У меня однажды был такой случай.

Вот пошли немцы в атаку, впереди танки, а за ними пехота. А я опять стоял замаскированный в кустах. Так я дождался, пока танки поравняются со мной, и как дал газ, поехал по пехоте за ними. Они же все по одной линии идут – 30-50 метров. У немцев сразу паника. Не поймут, откуда я взялся и мну их... У них же только автоматы и они мне ничего не сделают. А эти танки меня и не заметили. Они же не видят, что у них сзади творится. Так что я проехал мимо них и навел панику...»

Глава 9. ОГНЕВОЙ РУБЕЖ

Мценский район, река Зуша. 9 октября 1941 г.

7 и 8 октября бригада Катукова «отдыхала», то есть не вела боев, а зарывалась в землю, закапывалась, рыла ложные окопы, и все это действие растянулось на добрых пятнадцать километров.

Гудериан, получив чувствительный отпор у Первого Воина, уже не спешил с наступлением. «Быстроходный Гейнц», как прозывали генерал-полковника, сначала даже не поверил барону фон Лангерману, командующему 4-й танковой дивизией вермахта, что русские смогли нанести под Мценском такой урон доблестным сынам Рейха, но пришлось убедиться.

Гудериан писал: «Южнее Мценска 4-я танковая дивизия была атакована русскими танками, и ей пришлось перенести тяжелый момент. Впервые проявилось в резкой форме превосходство русских танков «Т-34». Дивизия понесла значительные потери. Намеченное быстрое наступление на Тулу пришлось пока отложить».

А добры молодцы полковника Катукова крепили оборону, не взирая на холодный дождь со снегом, радуясь даже непогоде – немцам-то всяко хуже придется, они даже не озаботились подготовкой к зиме, не запасли теплое обмундирование. Хотели по-быстрому прорваться к Москве, и зазимовать, пользуясь русскими припасами, да примеривая трофейные шубы.

А хотелки кончились!

* * *

9 октября немцы снова пошли на прорыв. Сначала, как водится, «Юнкерсы» отбомбились по передовым позициям 4-й танковой.

Зенитчики Афанасенко сбили шесть бомберов, а тут и танки появились – они шли с разных направлений, наступая на Шеино, чтобы мощным ударом пробиться к Мценску.

Сотню немецких танков бросил Гудериан против Катукова.

Взвод Лавриненко шугал немцев из засад до самого вечера, подбив у Шеино больше десятка танков.

Тактику Репнина перенял экипаж Воробьева – его «Т-34», засев в кустах, сторожил узкий проселок, что шел через овраг. Это была дорога в Шеино из деревни Азарово.

И вот по ней двинулась колонна из четырнадцати немецких танков. Воробьевская «тридцатьчетверка» подбила половину «троек» с «четверками», и еще три «Ганомага» впридачу.

Ни к Шеино, ни к Илькову, крепивших левый фланг, гитлеровцы пробиться так и не смогли. Тогда они утерлись, и стали бодаться с русскими на правом фланге, у села Думчино.

Танковый взвод лейтенанта Кукаркина отбил атаку и здесь, хотя и ценою потери половины «БТ-7».

Рядом с танком Репнина бились экипажи Капотова и политрука Исаченко. Немецкие ПТО подождли «тридцатьчетверку» Исаченко, и Геша просунулся в люк.

– Николай!

Капотов обернулся.

– Буксируй его в тыл, а я вас прикрою!

Объезжая горящую «бэтушку», «Т-34» Репнина остановился у двух больших стогов, забытых на колхозном поле, почерневших от дождя. Метрах в двухстах далее, в складках местности пряталась низинка, залитая холодной водой.

Танки противника были видны в лоб, они наступали двумя группами. Подождем...

– Товарищ командир! – сказал Борзых. – А мы их спереди... как?

– А никак, – буркнул Геша.

– А...

– Раком их поставим! – хохотнул Федотов.

– Бронебойный готовь.

– Есть! Готово!

Репнин кивнул, поглядывая в прицел. Солнце уже село, тучи затянули небо и сеяли нудную морось. Ужинать пора, да и на бочок...

– Давай, давай... – процедил Геша.

«Т-IV» приблизился к низинке, его механик-водитель углядел перед собой то ли большую лужу, то ли маленькое озеро, и свернул.

– Огонь!

Снаряд вошел «панцеру» в борт, и тут же прилетел еще один со стороны экипажа Антонова – этот ударил «четверке» в корму.

– Уделали!

Следующий в очереди не разобрал, что к чему, и тоже повернул, объезжая лужу-озеро. Репнин влепил ему бронебойный под башню.

Немцам хватило и одного снаряда – сразу полезли под дождь.

– Нашли время гулять! – проворчал Бедный. – В такую-то погоду. Сидели бы в теплом танке, грелись...

В этот момент танк рванул.

– Во, сразу бы на тот свет, а теперь ищи их, лови, патроны расходуй...

– Дай бронебойный!

– Готово!

Третьей в очереди на расстрел была «троечка». Видимо, ее командир что-то такое заподозрил, и выстрелил сам. Взрывом рассеяло стог.

– Огонь!

Удар подкалиберным в лоб удался – с двухсот метров ЗИС-4 легко пробил 30 миллиметров брони, и словно кол вогнала в «тройку».

– Есть!

– Иваныч, дорожка!

– Понял!

– Бронебойный!

– Есть бронебойный! Готово!

«Тридцатьчетверка» покатила по ровному полю, лишь слегка колыхаясь, и Репнин открыл огонь на ходу, наводя прицел на «Т-IV». Целился под башню, попал в гусеницу. Тоже неплохо.

Огибая низину, «Т-34» проехал мимо «разутого» танка, и добавил осколочно-фугасным, поражая машину, а заодно приветствуя салютом немцев, покинувших «панцер».

Сразу два немецких «тройка» выстрелили по боевой машине Репнина, но попасть в танк,двигающийся со скоростью тридцать камэ в час, не так-то просто.

Все так же удерживая башню, развернутую на сорок пять градусов влево, Геша выстрелил раз, потом другой – и канул в овражек.

– Бронебойный!

– Есть! Готово!

Воды в овраге было по колено, стылой и черной. Омыв в ней ходовую часть, «тридцатьчетверка» выбралась наверх через боковой отвершек, оказываясь буквально в десяти метрах от «Т-IV», прущего навстречу.

– Огонь!

Успел ли сориентироваться командир немецкого танка, осталось неизвестным – выстрел в упор под башню наполовину выдрал ее из погона, растворяя черную щель.

Боекомплект не взорвался, но и экипаж наружу не полез – видать, им и одного русского снаряда хватило.

– Заряжай!

– Готово!

– Выстрел!

Снаряд улетел по-над корпусом «обезглавленного» танка, скользнув по-над задком коптящей «четверки». Подкалиберный чиркнул, задев корпус и пропахав в нем борозду, но снопа искр хватило, чтобы бензин в побитых канистрах вспыхнул, проливаясь сквозь решетку радиатора.

Дисциплинированные немцы тут же полезли «на улицу»...

* * *

Силы таяли с обеих сторон, но сражение длилось, и длилось. Уже стемнело, а немцы все не унимались.

В 22 часа Каткову передали из штаба: немцы прорвались к Болховскому шоссе. Над 1-м гвардейским корпусом нависла угроза окружения.

И снова 4-я танковая снималась с позиций – надо было поживее отводить бригаду на новый рубеж, к Мценску.

На то, чтобы оборудовать позиции, ушла вся ночь, а с утра немцы снова поперли всюю своей бронированной массой. И хоть бы один самолет, отмеченный красными звездами,

метался в воздухе! Нет, одни лишь «Юнкерсы» с «Мессершмиттами» выли в вышине, стреляя и бомбя без продыху.

4-я бригада отступила к реке Зуше, не широкой, но глубокой и бурливой, с крутыми берегами – так просто не переправишься.

Брод занят немцами, автомобильный мост находится под обстрелом.

А наши танкисты с мотострелками уже бились в полуокружении, немцы выходили к окраинам Мценска – к небу потянулся дым от пожарищ.

Тогда политрук Завалишин сделал попытку перебраться через Зушу по железнодорожному мосту. Его «БТ-7» с этим справился, только что гусеница слетела.

Катуков послал саперов, и те быстро соорудили мостки из шпал и бревен, заложив ими рельсовые пути. Сколачивали настил в темноте, и первыми на правый берег перебрались обозники и машины с ранеными. Прошли погранцы Пияшева, мотострелки Кочеткова. Танкисты держали оборону.

К утру переправились и они. Последними ушли саперы, подорвав за собою «Чертов мост», словно крепко хлопнули дверью.

4-я танковая бригада выполнила приказ, задержала немцев, одних танков немецких подбив 133 штуки. Самое же главное – и славное! – заключалось в том, что советские танкисты побеждали не числом, а умением.

Катуков писал: «За восемь дней непрерывных боев бригаде пришлось сменить шесть рубежей обороны и вынуждать противника каждый раз организовывать наступление. Удавалось нам и резко уменьшить потери от ударов противника с воздуха. Занимая оборону на новом рубеже, мы устраивали впереди его ложный передний край, отрывали здесь окопы, траншеи, ходы сообщения. Вражеская авиация сбрасывала бомбовый груз по мнимому переднему краю, оставляя нетронутыми действительные позиции наших танков, нашей артиллерии и пехоты. Под Мценском мы бросили клич: «Один советский танкист должен бить двадцать немецких!»

* * *

К 11 октября Репнин уничтожил четырнадцать танков, два противотанковых орудия, и до трех взводов пехоты.⁸ Превзойдя самого Лавриненко, Геша не слишком загордился.

Он и сам по себе, в бытность свою лейтенантом танковых войск России, неплохо стрелял из танкового орудия. Но!

Нельзя же сравнивать пушку, оснащенную стабилизатором и кучей навороченных приборов, с ЗИС-4. Оптика отвратительная, видимость близка к нулю, а уж стрельба...

Попадать из орудия, которое стоит на «Т-34», это все равно, что стрелять из «кольта» навскидку – здесь требуется точный глазомер, координация движений, и прочие таланты стрелка. И всеми этими способностями Лавриненко обладал.

Что такое «Геша Репнин»? Комплекс нейронных состояний, не более. Бестелесная душа или – ладно уж, сделаем послабление для атеиста – сознание. А целится и стреляет тело. Чужое, Геша.

Не твой родимый организм, так что хвастаться нечем...

... 11 октября за спиной у танкистов уже целая армия стояла – 50-я армия под командованием генерал-майора Петрова. 4-я танковая бригада занимала оборону во втором эшелоне.

Гудериан все еще не терял надежды пробиться к Туле, немецкие танковые колонны продолжали наступать от Мценска и Болхова, стремясь обойти фланги красноармейцев.

⁸ Точное число танков, подбитых Д.Лавриненко к этому сроку, неизвестно. Официально засчитано 7, но называют и другие цифры – от 15 до 19.

Бригаде Катукова приказано было занять оборону на участке деревень Калиновка – Каверино – Бунаково, вместе с 34-м полком НКВД.

Бои шли горячие, экипаж «лейтенанта Лавриненко» повел в счете, уничтожив ровно двадцать немецких танков.

А 16 октября Катукова вызвали в штаб 50-й армии – полковнику предстоял разговор с Верховным главнокомандующим.

Сталин приказал немедленно грузиться в эшелоны, чтобы как можно быстрее прибыть в район Кубинки – 4-й танковой предстояло защищать Москву со стороны Минского шоссе.

Катуков, памятуя о частых налетах Люфтваффе, рискнул предложить вождю свой вариант – добираться до Кубинки своим ходом. Уточнив, хватит ли моторесурса, Сталин дал «добро».

За два дня, под дождем и в туман, бригада вышла к Кубинке. Передышки танкистам, однако, не дали – из штаба Западного фронта пришел приказ выдвигаться на Волоколамское направление, в район станции Чисмена, это в ста пяти километрах от Москвы.

Только к вечеру 19 октября 4-я танковая прибыла, куда надо – в распоряжение 16-й армии, которой командовал генерал-лейтенант Рокоссовский.

И лишь одного танка не было в составе бригады – «тридцатьчетверки» лейтенанта Лавриненко...

Из воспоминаний Я.Коваленко:

«При выезде из села заметили стоянку сельхозтехники, подъехали ближе и увидели землянку, на дверях которой было написано «Огнеопасно». Это оказался колхозный склад керосина, солярки и солидола! Теперь можете представить нашу радость, которая увеличивалась с каждым ведром залитого в баки горючего. Залили и часть керосина. Выехали на основную шоссеиную дорогу рядом с городом Барановичи. Осмотрелись. Тихо, никакого движения. Но когда я начал выезжать из густого кустарника и пересекать дорогу, вдруг заметил быстро движущийся средний немецкий танк с черными крестами на башне. Ничего не оставалось, как выждать и при приближении танка – таранить его, что я и сделал, ударив в заднее ведущее колесо. Немецкая машина сразу легла на бок и загорелась. Свою машину я выровнял вдоль дороги и в это время с левой стороны выскочил еще один танк на расстоянии метров двадцати от нас, открывая по нашей машине огонь из крупнокалиберного пулемета. Немцы успели разок выстрелить из своей пушки, но не дремал и наш лейтенант Матвеев, который по танкофону дал команду «стоп», и в это время сработала наша пушка. Попадание было прямое, столб огня взлетел вверх. Я не мог видеть, что происходило с остальными нашими машинами, и какие силы были у немцев. Продолжал движение по дороге, как вдруг ощутил сильный удар в заднюю часть танка и резкий толчок его вперед. Понял, что в машину попал снаряд, но двигатель продолжал работать и она продолжала езду. И только спустя некоторое время, когда оказались в безопасности в укрытом месте, осмотрев машину, увидел здоровую вмятину в заднем броневом листе. Как мы благодарили создателей этой великолепной по своим боевым качествам техники и тех людей, руками которых была построена. Низкий вам поклон до сих пор!»

Глава 10. «ШЕФСКАЯ ПОМОЩЬ»

Серпухов, 16 октября 1941 г.

Репнин только головой качал – до чего же точно все повторяется! То, что происходило в эти октябрьские дни с Дмитрием Федоровичем, происходит и с Геннадием Эдуардовичем. Да, есть небольшие нюансы, но, в общем и целом, все то же самое.

Хотя чему тут удивляться? И он, и Лавриненко действовали в одних и тех же обстоятельствах, вот и вышло одинаково.

16 октября, когда вся бригада отправилась своим ходом в Кубинку, Катуков оставил его танк для охраны штаба 50-й армии – именно так все случилось и с Лавриненко.

Штабисты ненадолго задержали танкистов, и Репнин скомандовал поход.

Развить приличную скорость не получалось – шоссе было забито техникой, автобусами, телегами. Пробка.

Геша высунулся в люк – подышать.

Погоды стояли мерзкие, то дождь, то снег с дождем. Но тут вроде прояснилось. Теплее не стало, да еще и туман.

Зябко, но хоть на голову не сыплется эта мокрая, холодная гадость.

Репнин вздохнул. Сколько он тут уже, в этом времени и пространстве? Скоро три недели будет. Попривык.

Что интересно, сама война, хоть она и Великая Отечественная, нисколько его не поразила, не потрясла. Русский человек, когда бы он не родился, знает, как это было, когда, да что.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.